

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern . . 70 pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 1 (333)

15-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора в ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bâtim. 11), Paris (13e) Tél.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux: Le Courrier Socialiste — 359.84 Paris. Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11 — 1 ч.

10 Января 1935 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: „Bâtiment 11“

СОДЕРЖАНИЕ

Новая волна террора в СССР (Резолюция ЗД РСДРП).

Ф. Дан. Против террора — за революцию.

В. Александрова. Кировские дни.

Отклики Интернационала на события в СССР: Англия. —

Франция. — Бельгия. — Голландия. — Немецкая с.-д.-ия

в Чехословакии. — Германская социалдемократия. —

Итальянские социалисты. — Соединенные Штаты.

С. Шварц. Без хлебных карточек.

Партийная трибуна: П. Гарви. На опасном пути.

По России: К убийству Кирова и расстрелам. — Беседа с коммунистом. — Старых большевиков в академии и богадельни. — Коммунисты-карьеристы. — Принцип беспринципности. — Воспитание строитивых. — Пролетарий, как рабсила. — Заставить работать! — Социальное неравенство и социальные противоречия. — Дорогие достижения. — Об едином фронте. — Пропасть между властью и крестьянством. — Советские дети.

Письмо социалистов из СССР английским социалистам.

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

НОВАЯ ВОЛНА ТЕРРОРА В СССР

Резолюция, единогласно принятая ЗД РСДРП 25 декабря 1934 года.

В условиях русской революции и советского режима РСДРП считала и считает террористические методы борьбы против советского правительства политически пагубными для интересов революции и рабочего класса. Поэтому наша партия не только всегда вела непримиримую борьбу со всеми контр-революционными группами и течениями, проповедующими терроризм, но с решительным осуждением относилась к террористическим покушениям и в тех случаях, когда они совершались людьми демократических или социалистических убеждений. По тем же политическим мотивам резко отрицательно относится ЗД РСДРП и к убийству Кирова, совершенному коммунистом.

Но вместе с тем чувство глубочайшего негодования вызывают в ЗД РСДРП декреты советского правительства, упраздняющие всякую возможность сколько-нибудь тщательного следствия по делам о подготовке террористических покушений, восстанавливающие тот порядок скорострельного, тайного судопроизводства, который был свойствен ВЧК в годы самого страшного террора, и лишаящий обреченных на смерть не только всех средств защиты, но и права на апелляцию и даже на просьбу о помиловании. И с еще большим возмущением клеймит ЗД РСДРП ту массовую бойню, которую учинило на основе этих декретов советское пра-

вительство, расстреляв уже свыше 100 человек, которые были арестованы задолго до убийства Кирова и никакого касательства к этому убийству не имели и вина которых вообще остается недоказанной. Ибо никакие голословные заявления советских властей и советской прессы не могут заменить гласного разбирательства, обеспеченного всеми судебными гарантиями и контролируемого общественным мнением Советского Союза и всего мира, и потому не могут претендовать на доверие.

ЗД РСДРП констатирует:

1. И сейчас, когда после убийства Кирова прошло свыше трех недель, единственное, что можно считать бесспорно установленным, это — принадлежность Николаева к коммунистической партии. Обстоятельств, сделавших возможным, впервые за все существование большевистской диктатуры, такой акт, как покушение члена ВКП на члена ее Политбюро, надо искать в условиях внутреннего развития и во внутренних отношениях самой коммунистической партии. Советское правительство и в этом случае ограничивается совершенно голословным утверждением о наличии какого-то террористического «Ленинградского центра», связанного с остатками внутри-партийной оппозиции, то «зиновьевской», то «зиновьевско-троцкистской». Между тем не только в высказываниях этой оппозиции, осужденной в Советском Союзе — как и все социалистические партии, как и все течения коммунистической мыс-

ли, хоть в чем-либо отклоняющиеся от Сталинской линии, — на абсолютное бесправие и молчание, никогда не было ни малейшего намека на проповедь террора против большевистского правительства, но и само это правительство, как и руководимая им пресса никогда и в самый разгар полемики с оппозицией не подкидывали ей подобного обвинения. Но, если о чем свидетельствует выстрел Николаева, то лишь о том, сколько взрывчатого материала накапливает сама террористическая диктатура тем невыносимым политическим и моральным гнетом, которому она подвергает не только всю страну, но и свою собственную партию.

2. Массовая бойня случайно подвернувшихся под руку людей, среди которых, как выясняется, имеется немало не только советских, но и иностранных коммунистов, искавших в Советском Союзе убежища от преследований на родине, но арестованных за различные «уклоны» от Сталинской линии, — не имеет ничего общего с кровавыми оргиями «красного террора» эпохи гражданской войны и империалистской интервенции, которые могли быть, если не оправданы, то объяснены чрезвычайными опасностями, грозившими не установившемуся еще режиму, и находили себе опору во взрывах мести и злобы широких слоев трудящихся масс, изнемогавших в отчаянной схватке с врагами революции. Проливаемая ныне кровь падает целиком на те правящие слои Советского Союза, которые, защищая всеми средствами свое политическое всевластие и свои социальные привилегии, почувствовали в ленинградском покушении, независимо от его действительных мотивов, угрозу своей безопасности и решили гекатомбами превентивного террора запугать всех недовольных и парализовать тот протест, который назревает в трудящихся массах и врывается в ряды самой коммунистической партии. И в тех же целях те же правя-

щие слои решили расправиться окончательно со всеми остатками внутрипартийной оппозиции: список людей, привлекаемых к суду, ссылаемых и заточаемых в связи с убийством Кирова, наполнен именами «старой гвардии» большевизма, соратников Ленина, виднейших деятелей и делателей Октябрьского переворота 1917 года, бывших членов ЦК коммунистической партии и даже долголетнего председателя Коминтерна. Впервые террористическая машина большевистской диктатуры обрушивается всею своею тяжестью главным образом на самих коммунистов, вождей большевистской революции, созидателей и соучастников самой диктатуры.

ЗД РСДРП обращает внимание всего российского и международного пролетариата на ту величайшую политическую опасность, которую представляет собою новая волна террора. Морально ослабляя русскую революцию и международный пролетариат в борьбе против фашистского террора, она в то же время грозит углубить пропасть между политически, социально и экономически привилегированной правящей верхушкой и продолжающими коснеть в бесправии и нищете, лишенными всех способов организованной борьбы за свои интересы трудящимися массами, из среды которых на гребне революции эта верхушка поднялась. Не революцию защищает эта волна террора, а подготавливает почву для торжества контр-революции. Решительная борьба против этого возрождения террора и за восстановление основ свободного волеизъявления и самостоятельности для всего трудящегося населения Советского Союза является долгом всякого русского и международного социалиста, которому дорого дело советского рабочего класса и русской революции и который в служении этому делу видит залог победы мирового пролетариата.

ПРОТИВ ТЕРРОРА — ЗА РЕВОЛЮЦИЮ

Убийство Кирова, совершенное коммунистом, и последовавшая затем вспышка террора, своим острием обращенного опять — таки, главным образом, против коммунистов, ставят перед сознанием в упор вопрос о смысле событий или, иначе говоря, о смысле и значении той эволюции советского общества во всех его слоях, которая сделала эти события возможными. И для понимания этой эволюции ответная волна террора дает гораздо больше, чем самое убийство. Убийство могло быть и чисто случайным, индивидуальным актом, продиктованным личными мотивами, а, может быть, оно таким актом и было: какие гарантии достоверности существования террористического «Ленинградского центра» дают утверждения людей, умудрившихся в свое время, уже не за закрытыми дверями военно-чекистского застенка, а на гласном, открытом процессе выдумать с начала до конца пресловутый «центр меньшевистский» и даже «доказать» его подлинность чистосердечными признаниями самих подсудимых? Убийство могло быть случайным. Но неслучайно, а планомерно задумана и проведена была реакция на это убийство начавшаяся массовой бойней и переходящая ныне в бескровное удушение уже не рядовых коммунистов, а представителей героической эпохи восхождения большевизма, последних остатков его старой гвардии. Именно планомерность этой реакции дает бесконечно много для понимания складывающегося в Советском Союзе положения.

Немыслимо и сравнивать эту новую волну террора на 18-м году существования большевистской диктатуры с тем «красным террором», который запечатлел ее первые годы, — немыслимо особенно для того, кто

дышал атмосферой этих страшных, но подлинно исторических, незабываемых лет. Конечно, и в массовых гекатомбах «красного террора» было много, слишком много не только от разнузданного садизма потерявших душевное равновесие фанатиков и истериков, но и от холодного расчета утопистов, кровью цементирующих свою рождающуюся и борющуюся за существование диктатуру. И потому наша партия может гордиться тем, что и в самый разгар этих кровавых оргий, когда всякое слово человечности объявлялось преступлением, достойным лютой казни, она неизменно возвышала свой голос против этого террора «сверху», в защиту его, на девять десятых случайных, жертв. Но этот террор сверху был, употребляя модное выражение, «созвучен» эпохе. Чекистские наганы громыли в грозе и буре разбушевавшейся народной стихии. Отравленные кровавыми испарениями мировой войны, теснимые армиями контр-революции и интервенции, доведенные до отчаяния голодной блокадой, яростно отбивавшиеся от той жестокой расправы, которую грозило им возвращение низвергнутых ими сил прошлого, народные массы сами творили самосуд во всех уголках необъятной страны. И в этом самосуде осуществлялась во всем своем ужасе та «кровавая беспощадная месть», в которую, как предсказал свыше полвека тому назад Герцен («Былое и Думы»), «поколениями назревало воспоминание о нелых мучиторах страшных злодейств», веками обрушивавшихся на эти массы, — мучиторах, которые заставили его-же сказать, что ими «все преступления, могущие случиться со стороны народа против палачей, оправданы вперед!»

Большевистская диктатура и тогда, в годы отчая-

ной борьбы революции с ее врагами, пользовалась этим кроваво-революционным буйством масс в своих целях, самым массам неведомых и даже чуждых. Но она во всяком случае действовала в униссон с настроением их наиболее активной, революционной страстью зараженной части. Что общего имеет нынешняя обстановка массового террора с лихорадочной обстановкой тех лет? Где эти мятущиеся, буйствующие массы? Более того: где попытки самой диктатуры развязать массовую стихию, на которую она опиралась в годы «красного террора»? Не только нет этих попыток, но диктатура явно боится привести в движение массы, общественную активность которых она так тщательно скрывает всеми средствами — от подавления всякой свободы и «революционной законности» и до ударных пайков и мечтаний о «красивой и зажиточной жизни». Отсюда эти нудные, трафаретные резолюции «рабочих и колхозников», требующие кровавых расправ или одобряющие их — ровно в той мере, в какой эти расправы вне всякого их участия совершаются правительством, и одинаково заканчивающиеся немислимыми в те годы подлинного разгула народных страстей лозунгами об еще большем поднятии производительности труда и об еще более тесном сплочении вокруг «великого, любимого Сталина». Отсюда и эти, лишенные всяких признаков подлинной революционной страсти, статьи советской печати, вымученный пафос которых только и может выразиться в заплах ругательств, ради пополнения которых даже давно, казалось, забытый департаментско-полицейский «злодей» извлекается с истлевших страниц «Правительственного Вестника» и перекожевывается в передовицы «Правды» и «Известий».

Если красный цвет есть цвет революционной страсти, ни грана красной краски в новой волне террора нет. По мановению сверху, в чисто канцелярско-бюрократическом порядке была начата массовая бойня. В таком же порядке она сейчас как будто приостановлена. И в таком же порядке она будет иметь продолжение, — если это продолжение ей суждено, если кровавые расправы не будут остановлены негодующим возмущением как советских трудящихся масс, так и международного пролетариата, с настроением которого советское правительство вынуждено считаться, если не из революционно-пролетарских, то хотя бы из внешне-политических соображений.

Но будут ли и дальше литься потоки крови или, как уверяют некоторые осведомители наших корреспондентов, теперь-то и наступит царство правопорядка, — роковое симптоматическое значение прокатившейся по Советскому Союзу волны террора от того не умалится, как не померкнет и тот свет, который последние события бросили на эволюцию советского общества, более того — на характер того «правопорядка», который мог бы установиться в результате таких методов перехода от безграничного произвола террористической диктатуры к более упорядоченным и обеспеченным формам политического и гражданского общежития. Ибо впервые в истории большевистского периода революции мы имеем перед собою в чистом виде террористический цикл, весь смысл которого, как указывает резолюция нашей Заграничной Делегации, с очевидностью исчерпывается ограждением безопасности и защитой политического всевластия и социальных привилегий тех правящих слоев Советского Союза, которые этот цикл инспирировали. Именно поэтому нынешняя волна террора способна не только отраженным действием своим возвращать контр-революционную опасность, но прямо и непосредственно подготавливать почву для торжества контр-революции. И именно поэтому про нее можно сказать, что она окрашена в «термидорианский» цвет, более того — что это первый в исто-

рии большевистского периода революции акт, «термидорианская» окраска которого совершенно очевидна.

Эта окраска придается нынешнему террору не тем, что он обращен, главным образом, против самих коммунистов. Робеспьер послал на эшафот Дантона, Гебера, целую вереницу виднейших якобинцев. Это свидетельствовало о нарастающих затруднениях и внутренних противоречиях революции, разлагавших междуусобицей и ее диктаторствующий якобинский штаб и подготавливавших ее срыв. Но контр-революционного характера этот террор Робеспьера против старой гвардии самого якобинства не носил, потому что выхода из затруднений группа Робеспьера искала лишь в дальнейшем продвижении по тем путям, по которым с самого начала пошла якобинская революция, в теснейшей связи с теми санкюлотскими, в преобладающей своей части мелко-мещанскими массами, которые с самого начала были ее носителями. Самый террор этой группы против части бывших сотоварищей ее по якобинству диктовался и оправдывался в ее глазах стремлением завершить революцию закреплением господства этим масс, а не господства над ними нового привилегированного слоя, начавшегося выделяться из их же среды в процессе революции. И, наоборот, день 9 термидора, день казни Робеспьера, потому и оказался решающей вехой на пути к контр-революции, что в этот день впервые восторжествовала та, ставшая уже преобладающей, «болотная» часть якобинства, которая уже ничего в сущности не желала, как спокойного использования для «красивой и зажиточной жизни» командующего и привилегированного положения, созданного для нее революцией. Посылая на казнь Робеспьера и его друзей, «болото» рвало во имя этого использования повиную, еще привязывавшую его к родившим его революционным, но уже измученным противоречиями революции, усталым и потому все более пассивным массам.

Разумеется, как и всякий термин, взятый в порядке исторической аналогии, и термин «термидор» надо понимать в применении к русской революции весьма условно. Он во всяком случае никак не может указывать на несуществующее тождество форм революционных процессов во Франции 18-го и в России 20-го века; его задача лишь в том, чтобы одним словом вместо длинного описания характеризовать социально-политические тенденции той новой волны террора, о которой мы говорим. И «термидорианский» характер ее в том и состоит, что она грозит привести — в другой исторической обстановке и при другом сочетании классовых сил, но к тем же последствиям, какие имела казнь Робеспьера: к отрыву «политически, социально и экономически привилегированной правящей верхушки» от тех «трудящихся масс, из среды которых на гребне революции эта верхушка поднялась» (рез. ЗД). — отрыву, который, если бы ему суждено было окончательно завершиться и привести к оформлению этой верхушки в особый, прочно закрепленный, отделенный от трудящихся масс и над ними стоящий социальный слой, и означал бы торжество контр-революции.

Здесь не место останавливаться на анализе тех социально-политических процессов, которые совершались и совершаются в Советском Союзе на основе экономических достижений и успехов «генеральной линии»: в ближайшем номере «С. В.» я вернусь к этой теме. Здесь достаточно сказать, что одним из характернейших проявлений этих процессов приходится считать постепенное выделение во всех социальных пластах Советского Союза — от пролетариата и крестьянства и вплоть до бюрократии и даже интеллигенции — особого верхушечного слоя, сочетающего в своих руках экономические преимущества с командующей и распоря-

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАИ ДРУГОМУ!

дательскую ролью в хозяйстве страны, а, поскольку в Советском Союзе хозяйственные функции неразрывно сплетаются с обще-государственными, выдвигающегося на привилегированные позиции и в политической, и в общественной жизни. Этот слой еще не вполне оформился, его границы подвижны, но он во всяком случае представляет собою уже столь заметный фактор советской общности, что ему официально присвоено даже особое наименование — «знатных людей страны». Эти «знатные люди» являются основными проводниками и исполнителями сталинской политики, на них Сталин опирается и, опираясь, под их воздействие подпадает, их идейно-политический склад, главным образом, отражает в своих «гениальных» лозунгах и директивах. Сталин — их бог, потому что и земных богов, как и небесных, люди каждого общественного слоя создают по образу и подобию своему, а не наоборот, как следовало бы по библейскому сказанию...

Конечно, все сказанное выше отнюдь не означает, что сотни тысяч «знатных людей» жаждали крови и требовали от Сталина массовой бойни. Нет, большинство из них, конечно, ни о чем подобном не думало, а многие, узнав о пролитой крови, наверное, даже содрогнулись и гуманно поскорбели о новой вспышке некультурно-террористического варварства и зверства. Но, защищая кровавой расправой свои собственные позиции и безопасность, Сталин безошибочным инстинктом подлинного вождя этого слоя чувствовал, что защищает тем самым и его позиции и безопасность, и что поэтому, поморщившись в меру неистребимой мягкости человеческого сердца, этот «знатный» слой, в конце концов, за совесть санкционирует расправу и увидит в ней лишний повод еще беззаветнее отдаться руководству столь мудрого, проницательного и, как сталь, твердого вождя. Вряд ли надо еще пояснять, каковы были бы социально-политические тенденции воздвигнутого на такой основе «правопорядка», если бы таковой и впрямь оказался заклочительным аккордом террористического припадка!

Но опять-таки надо помнить, что речь идет не о термидориански законченном круговороте революционного процесса, а лишь об определенных тенденциях, назревающих на одном полюсе советской общественности в рамках того зигзага, который революция проделывает на основе социальных отношений, сложившихся за период «генеральной линии». Все процессы русской революции протекают, по сравнению с Великой французской революцией, гораздо медленнее. Ибо русская революция совершается в совершенно иную эпоху, при совершенно ином и значительно более сложном соотношении социальных сил, ее носителями являются иные классы, с иными интересами, иной психологией и идеологией, и потому она и изнутри себя самой непрерывно получает такую «анти-термидорианскую» зарядку, какой и в отдаленной степени не знала и не получала французская революция конца 18 века. Она непрерывно получает кроме того животворящие ее импульсы и из окружающего ее мира, который весь живет в брожении и судорожном движении, весь обят предчувствием великих социальных потрясений. И потому и сейчас, на 18-ом году, русская революция еще далеко не завершила своего круговорота. Она еще живет, перед нею открыты еще разные дороги, еще есть возможность бороться за иное, не-термидорианское завершение ее, за демократию трудящихся, которая делает законом общественного бытия их собственную волю, превратит выделяемую ими верхушку из команди-

ра над ними в их слугу, откроет простор для превращения Советского Союза в активный положительный фактор мирового рабочего движения и для обратного воздействия этого движения на развитие Советского Союза.

За все это еще можно, а потому и нужно бороться. Но для успеха этой борьбы нужно, прежде всего, отдать себе отчет в тех «термидорианских», контр-революционных опасностях, которые назревают в недрах самого советского общества. Убийство Кирова и ответная волна террора как нельзя более отчетливо напомнили об этих опасностях и вскрыли их источник. И наша партия исполнила свой долг, когда указала на них и российскому, и международному пролетариату и призвала всех социалистов — одинаково: и во имя дела советского рабочего класса и русской революции, и во имя победы мирового пролетариата — «к решительной борьбе против возрождения террора и за восстановление основ свободного волеизъявления и самостоятельности для всего трудящегося населения Советского Союза».

Ф. Дан.

КИРОВСКИЕ ДНИ

Правительственная и общественная реакция на убийство Кирова чрезвычайно характерны для переживаемой русской революцией переломной эпохи.

При попытке разобраться в причудливом и страшном сплетении страха, террора, кликушества, самозащиты и проблесков подлинного революционного волнения, которыми так насыщены были трагические недели минувшего декабря, мы сейчас же наталкиваемся на груды таких противоречий, мимо которых нельзя пройти.

2-го декабря советская печать оповестила страну, что «от предательской руки врага рабочего класса» погиб Киров. «Стрелявший задержан. Личность его выясняется», глухо говорилось в правительственном сообщении. Только 3-го декабря советским гражданам была сообщена фамилия убийцы. Он оказался служащим Ленинградской РКК, Николаевым. Эти данные, конечно, были известны в первые минуты допроса. В эти же первые минуты было известно и то, что убийца — свой, коммунист. Возникает неумолимый вопрос: зачем с самого начала это нужно было скрыть?

Выстрел в Смольном был для правительства и для руководства компартии громом из ясного неба. Но бюрократическая диктатура выработала уже свои методы реагирования на потрясения: прежде всего усилением террора. И спешно вносятся «изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы по рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти», сводящиеся к восстановлению худших традиций ВЧК, и начинаются массовые расстрелы. Официальные сообщения и советская печать говорят о расстрелянных, как о белогвардейцах-террористах. Но среди расстрелянных оказывается значительное число подозреваемых по «уклонам» коммунистов, в том числе и иностранных коммунистов, бежавших в СССР от преследований у себя на родине.

Природа коммунистической диктатуры, однако, требует большего: ей мало расстрелов, ей необходима видимость активного, массового общественного сочувствия. И во всей стране производится мобилизация общественного негодования против «контр-революции». Но вся эта кампания была бы психологически невозможна, если бы с самого начала было известно, что убийца вышел из недр коммунистической партии, что белогвардейцами здесь даже и не пахнет, что убийство Киро-

ва не эпизод борьбы между революцией и контр-революцией, между новой и старой Россией, а событие, возникшее внутри нового революционного общества.

Но для действительно широкой и народной общественной реакции на убийство Кирова имелись препятствия и в личности убитого. Старый большевик, принявший с самого начала Октябрьской революции активное участие в ней, Киров действительно большую политическую карьеру стал делать лишь в последние годы нэпа и особенно выдвинулся в период генеральной линии. Первые отклики на его смерть со стороны ЦК компартии воздают хвалу ему за то, что «Киров никогда не знал сомнений, и никогда не страшился трудностей в решении великих задач, поставленных партией». Он был «вернейшим учеником Сталина». Но было бы ошибкой представлять себе Кирова только верным подручным Сталина. Образ Кирова интимно связан с Октябрьской революцией в ее мещанской ипостаси. Выходец из мещанской среды маленького уездного городка Вятской губ., достигший благодаря участию в революции самых высоких вершин власти — Киров действовал на воображение огромного, поднимающегося из народных низов слоя, в капральском ранце которого запрятаны мечты выйти в «знатные люди» огромной страны. Но не только возможности личных достижений олицетворял этот человек. Неслучайно слова его на 17-ом съезде ВКП о том, что «хочется жить и жить», сейчас же вспомнились после его смерти и послужили темой для размышлений в прозе и стихах: «Он говорит через все рубежи простыми, взволнованными словами: Как хочется жить, как радостно жить на старой земле, переделанной нами». Киров был одним из самых ярких типов перерождения старого большевика. Мы видели в последние годы в верхних слоях советского общества немало перерожденцев, трусливо скрывавших свое новое лицо, внутренне неуверенных, являющих картину какой-то раздвоенности. Киров перерождался не трусливо, не исподтишка: всей своей фигурой, своими речами талантливого оратора, всей своей жизнью, наконец, — Киров утверждал в сознании своих слушателей радостное право большевика на такое перерождение. Вот где секрет его обаяния среди офицерского состава партии, вот где, однако, и секрет того, что имя Кирова в широких массах трудящихся не могло вызвать никаких особо пылких чувств.

Достаточно вчитаться в первые отклики на смерть Кирова, чтобы убедиться в том, что наличие широко разлитой апатии действительно имело место. Если исключить первые резолюции Ленинградских заводов, особенно резолюции «старых рабочих», в которых среди разлитого моря казенных слов имеются проблески настоящей взволнованности, то прочие отклики — партийных комитетов провинции, заводов и колхозов из глубины страны — поражают своей казенной серостью. Парткомитеты обещают «еще упорнее драться за дальнейшие победы социализма», рабочие ряда заводов провинции обещают ответить «ударной работой», совещания начальников политотделов обещают «100-процентное выполнение поставок» мяса, хлеба и т. д. — словом, это все резолюции, заготовленные впрок и рассылающиеся обычно по всяким высокосторжественным дням. К смерти Кирова эти резолюции не имеют прямого отношения. Особое место среди этих откликов займут отклики «советской интеллигенции»: если отклики с заводов и от областных комитетов компартии носят печать политической апатии, то отклики многих представителей «советской интеллигенции», особенно поэтов, писателей, артистов, инжене-

ров, ученых — новой «знати» советской страны — как бы состязаются друг с другом в кровавой истерике. Но надо преодолеть в себе естественное чувство отвращения к этой кровавой халтуре и внимательно к ней присмотреться: при всей своей истеричности этот слой советского общества быстрее всех ориентировался в том, какой собственно политической реакции добивается диктатура. И неслучайно мысль, выраженная «героями Советского Союза»: «мы будем охранять жизнь наших вождей, как знамя на поле битвы», очень быстро стала самой частой гостьей в речах, в резолюциях, в лозунгах на похоронной демонстрации.

Пока на заводах и на улицах шли собрания, производились речи, в чекистских застенках шла лихорадочная работа по «увязке» материалов следствия. И 17-го декабря, через две слишком недели со дня выстрела в Смольном, раздался второй «выстрел» — из передовой «Правды»: «Сегодня, писал центральный орган коммунистической партии, внимание партийных масс будет приковано к важнейшим документам двух ведущих организаций нашей партии — Московской и Ленинградской». В этих документах доводится до сведения, что «гнусные, коварные агенты классового врага, подлые подонки бывшей зиновьевской анти-партийной группы вырвали из наших рядов т. Кирова». В течение следующих пяти дней вся печать мобилизована на проработку новой версии убийства. 22-го декабря Наркомвнудел опубликовал наконец данные «предварительного расследования», согласно которому убийство Кирова было совершено Николаевым в качестве члена «террористической подпольной анти-советской группы, образовавшейся из числа участников бывшей зиновьевской оппозиции в Ленинграде». 23-го декабря Наркомвнудел сообщил об оресте 15 видных вождей бывшей левой оппозиции. И, наконец, 27-го декабря публикуется «обвинительное заключение» (обвинительный акт) по делу Николаева, Котлынова и др., которое останется в истории революции памятником глубокого внутреннего кризиса русского коммунизма.

Обвинительный акт очень наглядно обнаруживает тщету официальной белогвардейской маскировки преступления Николаева. Были ли подлинные контр-революционеры и белогвардейцы в числе расстрелянных по «процессам» первой половины декабря, мы не знаем. Никаких отчетов об этих процессах опубликовано не было, а в опубликованных приговорах нет и следа указаний на какие-либо совершенные или хотя бы подготовлявшиеся осужденными конкретные террористические акты. Вернее всего, мы имеем здесь дело с актами типичной и по существу бессудной чекистской расправы со схваченными по различным поводам (или и без повода) и между собой не связанными людьми. Но что особенно важно отметить: вопреки всему тому, что писалось в первые недели декабря в советской печати, никто из расстрелянных по этим «белогвардейским» будто бы процессам никакого отношения к Николаеву и к убийству Кирова не имел. В обвинительном акте по делу Николаева и др. никто из них даже не упоминается, как и вообще в обвинительном акте нет абсолютно никаких указаний на связь хотя бы кого-либо из обвиняемых с контр-революционерами.

Из 14 обвиняемых только один (Шатский) «беспартийный», исключенный в 1927 г. из ВКП за принадлежность к зиновьевской оппозиции и в партию более не возвращавшийся. Все остальные 13 обвиняемых были в момент убийства Кирова членами ВКП, причем шестеро из них никогда из партии даже и не исключались. И этим людям вменяется в вину образова-

ние «контр-революционной подпольной группы», поставившей себе целью «свержение советской власти» и ориентировавшейся «на вооруженную интервенцию и помощь со стороны некоторых иностранных государств»!

Во главе организации стоял «Ленинградский центр» в составе 8 лиц. Так гласит обвинительный акт, и то же мы читаем в приговоре. Никакими документами или свидетельскими показаниями это утверждение не подкрепляется, но о таком центре говорили будто бы сами обвиняемые. Но вот странно: из 3 обвиняемых, сообщивших о центре, один (Румянцев), перечисляя поименно состав центра, назвал 6 лиц, другой (Мясников) 5, третий (Мандельштам) 4 лиц (каждый, конечно, назвал в числе членов центра и самого себя). Но даже и в этих узких пределах между показаниями, напр., Мандельштама и Мясникова резкое противоречие: они называют разные имена. Кстати, никто из перечисленных лиц не назвал в числе членов центра Николаева и Шатского, что, конечно, не помешало составителям обвинительного акта ввести обоих в этот таинственный «центр».

Да был ли вообще такой центр, хотя бы и не в том составе, какой указан в обвинительном акте? Основой обвинения являются показания Румянцева, который сообщил, что «члены центра в интересах конспирации собирались очень редко вместе, обычно же связь поддерживалась персонально между отдельными членами». «Очень редко», но все же, значит, случалось, что и собирались. Спрашивается: когда? где? в каком составе? о чем говорили? что решали? Ответов на эти вопросы мы тщетно будем искать в обвинительном акте, а ведь если бы хотя что-либо похожее имело место, составители обвинительного акта об этом уж никак бы не умолчали.

О каком же центре может быть речь? Не нужно ли искать разгадки этой тайны в промелькнувшем в «Правде» (от 23-го декабря) сообщении, явно основанном на данных предварительного следствия и, повидимому, имевшемся и в первоначальном проекте обвинительного акта: в отделе «В помощь пропагандисту», в котором редакция «Правды», закатав рукава, «поливала» в эти дни левую оппозицию, проскользнула следующая фраза: «Двурушничая, всеми силами добиваясь сохранения в партии, они (т. е. обвиняемые) под флагом теоретической работы окопались в организованном ими землячестве «старых комсомольцев» при Ленинградском Истмоле». Не это ли террористический «центр»? Повидимому, даже Вышинский понял, какой насмешкой над обвинителями прозвучало бы такое обвинение, и в последнюю минуту вытравил из обвинительного акта указание на это страшное «землячество».

Был ли у Николаева сговор с кем-либо из обвиняемых или выстрел в Кирова был индивидуальным актом, — мы, может быть, никогда не узнаем с полной достоверностью. Обвинительный акт сообщает, что Николаев «в целях маскировки подлинные мотивы убийства заготовил ряд документов (дневник, заявления в адреса различных учреждений и т. п.), в которых старался изобразить свое преступление, как акт личного отчаяния и неудовлетворенности, в силу якобы тяжелого своего материального положения и как протест против несправедливого отношения к живому человеку со стороны отдельных государственных лиц». Почему бы не опубликовать эти «документы» в советской печати? Ведь если они составлены нарочито, читатель это легко почувствует. Или боятся, что читатель им поверит, что он усомнится не в правдивости «дневника» Николаева, а в правдивости значительно более позднего

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т И:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELLIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала (от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа

его показания (от 13-го декабря), будто он составлял эти «документы» только для того, «чтобы скрыть участие в нем (в убийстве) зиновьевской группы»? Проходит еще неделя, и Николаев заявляет уже, что стрелял в Кирова, чтобы дать «сигнал к взрыву, выступлению внутри страны против ВКП и советской власти». Но ведь тут явная «неувязка»: если убийство Кирова должно было послужить «сигналом» к восстанию, то полной бессмыслицей была бы маскировка Николаевым этого убийства (загода написанный «дневник»!) под акт «личного отчаяния».

Таких противоречий в обвинительном акте множество. Здесь все грубо шито белыми нитками вплоть до поразительного сообщения, что при Николаеве был найден при его задержании и «приобщен к делу в качестве одного из вещественных доказательств» «датированный 1-ым ноября» подробно разработанный «план» покушения. Случай действительно небывалый во всемирной истории террористических актов: план покушения подробно разрабатывается в письменной форме, датируется (!), в течение месяца и вплоть до самого покушения хранится террористом при себе, чтобы служить необходимым «вещественным доказательством» во время будущего процесса! Этот фильм не напоминает ли сообщений гитлеровских газет после пожара рейхстага о членском билете компартии, найденном будто бы (это сообщение, как известно, оказалось ложным) при аресте у Ван-дер-Люббе? Уж не пленили ли Вышинского лавры фашистских лгунов?

На этом фоне коммунистическая печать справляет подлинные оргии бешенства, обращенные против вчерашних, сегодняшних и, главное, возможных завтрашних уклонистов. Присяжный фельетонист «Правды» Кольцов, надев жандармские ботфорты, «стирает в кровавый порошок» «темную шваль без роду и племени (!?), проникнувшую в шели партийных, советских и комсомольских организаций». Передовик «Правды» рвет и мечет против «белогвардейских террористов», «законченных белогвардейцев» внутри ВКП, «кулацких щенков, продажных убийц, откровенно предлагающих свои услуги мировой контр-революции и субсидируемых ее представителей». И т. д., и т. д. без конца. Тяжелый кошмар давит и доводит до безумия руководителей коммунизма, — кошмар снова и снова возрождающейся оппозиции, выходящей из недр самой коммунистической общественности.

В. Александрова.

Отклики Интернационала на события в СССР

АНГЛИЯ.

В совместном заседании Генерального Совета Конгресса Тред-Юнионов и Исполкома Рабочей Партии была принята 20 декабря следующая резолюция:

«Г. С. К. Т. Ю. и И. Р. Б. высказывают свое негодование по поводу недавнего убийства Кирова и выражают сочувствие советскому правительству и русскому народу, потерявшим одним из самых активных своих вождей.

«Вполне понимая значение утраты, понесенной СССР, и скорбь, вызванную преступлением, Г. С. и И. в то же время глубоко возмущены и встревожены теми репрессиями, которые последовали в виде спешных массовых казней. Г. С. и И. держатся твердо того мнения, что все арестованные или угрожаемые арестом лица должны пользоваться всеми возможными законной самозащиты перед гласным судом.

«Г. С. и И. постановляют просить советского посла немедленно принять их совместную делегацию, чтобы в спешном порядке сообщить их точку зрения русскому правительству».

В тот же день орган Р. П., «Дэйли Геральд» поместил статью под заглавием «Террор в России». В статье этой, между прочим, говорится:

«Что в годы революции практиковался террор, — не удивительно. Это печально, но неизбежно. Слабые режимы, отчаянно борющиеся со своим собственным тылом, прибегают к отчаянным средствам. Но современный советский режим не имеет и этого слабого оправдания... Британская Р. П., протестовавшая против террора в Германии, не может мириться в одной стране с тем, что она осуждает в другой. Казни в России носят варварский характер и недостойны режима, объявляющего себя самым передовым режимом в мире».

Полпред СССР Майский принял делегацию, но выразил ей свое сожаление о том, что делегация предприняла свой шаг без достаточного знакомства с фактами, ибо виновность всех расстреленных доказана, и советская власть вынуждена принимать экстренные меры для борьбы с угрожающим ей террором. По мнению Майского протестовать надо было не против массовых расстрелов в России, а лишь против гостеприимства, которое некоторые страны оказывают анти-советским террористам. Советская пресса поднесла своим читателям ответ Майского в таком виде, что они должны думать, будто делегация английских рабочих явилась лишь затем, чтобы, к удовольствию Майского, протестовать против отношения буржуазной печати к террору в СССР!

ФРАНЦИЯ.

Немедленно по получении заграницей первых сообщений о массовых расстрелах в Москве и Ленинграде «Попюлер» (7 декабря) поместил короткую заметку **Леона Блюма**, заканчивавшуюся следующими словами:

«Мы просим все же наших друзей-коммунистов отдать себе отчет в том недовольстве и смущении, которое, несомненно, испытает часть народного общественного мнения во Франции. Ответ волной массового контр-терроризма на индивидуальное преступление ему непонятен. Я считаю в высшей степени важным успокоить это общественное мнение или хотя бы разъяснить ему, в чем дело».

В номере «Попюлер» от 17 декабря была напечатана большая статья **Ф. Дага** под заглавием «Новая волна террора в СССР», посвященная политической характеристике событий. Оценка их, данная в статье, в основном, совпадает с оценкой, данной в печатаемой в настоящем номере резолюции ЗД РСДРП. На эту статью «Юманите» ответила на следующий же день полемической статьей Дюкло, в которой, между прочим, говорилось: «Прискорбно и, скажем отчетливо, мало соответствует духу пакта об единстве действий, что на столбцах «Попюлер» предоставляется место такой статье, как статья Дана, напечатанная вслед за статьей Леона Блюма на ту же тему» (заметка Блюма, о которой говорится выше, также вызвала со стороны «Юманите» ответную полемическую статью).

В номере от 30 декабря «Попюлер» напечатал полностью резолюцию ЗД. Во вступительных строках **Леон Блюм**, между прочим, говорит, что не думает, «чтобы самое искреннее и лояльное проведение тактики единства действий могло требовать отказа в гостеприимстве на столбцах «Попюлер» партии, которую связывают с нами братские узы принадлежности к одному Интернационалу и которая всего лишь несколько недель тому назад присоединила свою подпись к нашей, когда мы предложили Исполкому и со своей стороны вступить на путь единства действий».

На опубликование резолюции в «Попюлер» «Юманите» сочла нужным ответить новой полемической передовицей

Мориса Тореза с ругательствами по адресу «полу-дюжины эмигрантов-меньшевиков, которым «Попюлер» оказывает гостеприимство, достойное сожаления, ибо, по мнению Тореза, лояльное осуществление единства действий «не допускает такой поддержки врагам Советского Союза». В странном противоречии с презрительным отношением к «полу-дюжине эмигрантов» сама «Юманите» перепечатывает резолюцию ЗД, — правда, с характерными сокращениями: она выпускает весь первый параграф, констатирующий резко отрицательное отношение нашей партии к террористическим методам борьбы с большевистским правительством; выпускает все указания на то, что жертвами террора являются сейчас, главным образом, коммунисты, русские и иностранцы, в том числе и самые видные деятели октябрьского переворота; выпускает, наконец, самые последние строки резолюции, указывающие на связь борьбы против новой волны террора с защитой интересов русской революции и русского рабочего класса.

Л. Троцкий разослал через агентство Гавас всей французской прессе письмо, в котором, опровергая голословные извещения на него обвинения в связи с Николаевым, обещает выпустить в ближайшем будущем брошюру, посвященную политическому анализу последних событий.

БЕЛЬГИЯ.

В номере брюссельского «Пэпль» от 16 декабря **Э. Вандервельде** поместил большую статью, тема и заглавие которой даны приведенными в эпиграфе словами Энгельса: «Буржуазное общество стоит перед дилеммой: или переход к социализму или впадение в новое варварство». Перечислив ряд примеров такого впадения в варварство, Вандервельде переходит к массовым расстрелам в Москве и Ленинграде в связи с убийством Кирова и говорит:

«По случаю преступления, причастность к которому, хотя бы косвенная, абсолютно ничем не доказана, 66 «подозрительных» в спешном порядке, за закрытыми дверями приговариваются военным судом к смерти и тотчас же расстреляваются, причем им преднамеренно не оставляют даже времени подать прошение о помиловании...»

«Но, скажут, ведь тут мы имеем дело не с «обратным впадением буржуазии в варварство», и, поступая так, большевики лишь остаются верны сами себе. Конечно. Но что поражает в этом трагическом происшествии, так это то, что, поскольку наладилось франко-советское сердечное соглашение, не нашлось французских газет, которые взволновались бы или вознегодовали по поводу такого полного отрицания элементарных прав на судебную защиту, и что присяжный орган Комитета Металлургов («Тан») регистрирует все эти телеграммы без комментариев — без тех добродетельно негодующих комментариев, которые были привычны для него, как и для газет крупных нефтепромышленников, тогда, когда большевики официально считались еще врагами рода человеческого».

«Несколько дней тому назад в «Попюлер» **Леон Блюм**, сказав друзьям Кирова должное соболезнование, просил их все же, если не оправдать, то объяснить французскому общественному мнению, что же такое произошло в Москве и Ленинграде. Я думаю, наш друг хлопотал напрасно: ныне французские буржуа так же мало интересуются «внутренней политикой» дружественного если еще не союзного правительства СССР, как не интересовались во время франко-русского союза деяниями «батюшки»-царя Николая II. И, надо сказать, это — общее правило в этом мире, где моральный упадок идет рука об руку с нарастающим разложением режима, вынужденного для продления своего существования прибегать к самым варварским приемам».

В номере «Пэпль» от 30 декабря напечатана статья в обширных выдержках, частью в изложении, резолюция ЗД РСДРП о новой волне террора в СССР.

«Пэпль» возвращается к советским событиям в номере от 6 января:

«Подобно террористическим расправам Третьего Райха, тайна окружает действительные обстоятельства и мотивы массовых казней в России. Известно, конечно, что они служат ответом московских властителей на убийство Кирова. Но известно также, что огромное большинство осужденных и казненных не имело никакого отношения к этому убийству или к его подготовке. Более того, даже относительно самого Ленинградского убийства имеются лишь самые смутные указания. Процесс прошел в условиях исключавших всякую гласность, всякий контроль общественного мнения, даже пролетарского. В качестве материала мы располагаем лишь обвинительным актом самого советского генерального прокурора...»

«Очень важно подчеркнуть, что даже согласно самому обвинительному акту дело идет о террористическом движении, возникшем внутри российской коммунистической партии и не имеющем никакого отношения к не-большевистским движениям, какого бы характера эти движения ни были — меньшевистского, буржуазного или царистского. Сам генеральный прокурор не может найти ничего кроме «совпадения» с контр-революционными целями и методами и не решается высказать подозрение о каком-либо соучастии. И с этой точки зрения приходится констатировать поразительную аналогию с гитлеровским 30 июня, которая должна была бы заставить коммунистов краснеть...

«Говорят, что Литвинов протестовал перед Сталиным против этой судебной бойни, которая возбуждает негодование во всем цивилизованном мире и тем грозит нанести ущерб результатам, достигнутым усилиями наркоминдела. ...Верно ли сообщение о вмешательстве Литвинова или нет, но несомненно, что ленинградские, московские, киевские и минские казни рискуют снова отбросить Советский Союз в политическую и моральную изоляцию и тем нанести тяжелый удар делу мира и свободы во всем мире».

ГОЛЛАНДИЯ.

В редакционной статье центральный орган голландской социалдемократии «Хэт Фолк» (19 дек.) пишет:

«Большевистская диктатура хочет у всего света создать о себе представление, как о великой, таинственной силе, которой никто, даже в мыслях, не может безнаказанно противиться. На деле же она вызывает представления совершенно иного порядка. Она, прежде всего, заставляет думать, что, объявляя себя диктатурой пролетарской, она в действительности для укрепления своей власти не имеет в своем распоряжении других средств, кроме тех, которые применял и русский царизм. И если бы явилось искушение приписать ее варварство особым русским условиям, то на память приходит гитлеровская Германия. Большевицкая диктатура ничем не отличается в этом отношении от любого деспотического режима. Она кровожадна не потому, что русская, а потому, что диктатура».

«И другая мысль приходит в голову: нигде мощь диктатуры так не велика, как в России. Здесь она господствует не только над всей материальной, но и над всей духовной жизнью. Ни одно оппозиционное слово, печатное или устное, не может дойти до русского народа. Но диктатура все же дрожит. Она боится, что оппозиционность, хоть и слабая, продолжает жить в народе; она боится того, чего боится все тираны: что человеческий дух нельзя загнать в колодки. Она дрожит, и когда события, подобные убийству Кирова, поражают ее ужасом, она хватается за самые дикие меры, пытается утопить свой страх в крови».

«Мы относимся с уважением к тому перевороту, который большевицкая диктатура произвела в России. С напряженным вниманием следим мы за той не только технической, но и духовной революцией, которая совершается в России под ее руководством. Но путь большевиков не может быть нашим путем: нашим жизненным принципом является уважение к человеческой жизни».

НЕМЕЦКАЯ СОЦИАЛДЕМОКРАТИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ.

Первым сообщением о расстрелах в Москве и Ленинграде пражский «Социалдемократ» (17 дек.) посвятил статью под заглавием «Кровавая диктатура». Отметив различие между террором первых лет революции и нынешними массовыми расстрелами, статья заканчивает:

«Что советская диктатура имеет иное, противоположное содержание, чем, например, диктатура в Германии, — это понятно само собою; но в таком случае от диктатуры, провозглашающей себя носительницей самых передовых идеалов человечества, можно требовать и иных методов, особенно там, где дело идет о человеческой жизни. Потому что социалистическая революция должна воспитывать в рабочих и всех людях вообще не только суровость по отношению ко всякой реакции и всяким реакционным движениям, но и душевное благородство, уважение к святости человеческой жизни и, в конечном счете, стремление к отказу от тех методов, которыми господствующие классы «разрешают» все проблемы, — методов безжалостного, жестокого и кровавого насилия!»

В другой статье, посвященной главным образом расправе с внутри-партийной оппозицией, «Социалдемократ» (25 дек.) приходит к заключению:

«Методы хозяев Советского Союза нанесут тяжелый урон его престижу. И, прежде всего, они компрометируют борьбу коммунистов против Гитлера тем, что Москва делает все, что в ее силах, чтобы приравнять свои правительственные методы к тем, которые практикуются в Гитлеровской Германии».

В номере от 29 декабря «Социалдемократ», полемизируя с коммунистами, пишет:

«Мы были бы последними, которые стали бы отказывать советскому государству в праве на самозащиту от политических террористов. Но то, что под предлогом защиты пролетарских и социалистических интересов проводится государственная организация массовых боен и что одновременно большевицкая партийная оппозиция громится по методу царских расправ, да еще забрызгивается клеветой, — это глубоко возмущает правовое чувство всякого социалдемократа».

Отметив, насколько кровавая баня в Советской России загрудняет борьбу с фашистским террором, «Социалдемократ» напоминает коммунистам, что их бешеная и совершенно бездоказательная травля эмигранта Троцкого в связи с убийством Кирова может самым плачевным образом отразиться на практике права убежища вообще и таким образом поставить в безвыходное положение те массы социалистов и коммунистов, которые вынуждены бежать из стран фашистской диктатуры».

В том же номере «Социалдемократа» от 29 декабря помещена статья Р. Абрамовича под заглавием «Логика террора». Статья говорит о том, как постепенное закрытие всех отдушин для выражения оппозиционных мнений даже внутри самой компартии привело к тому, что «в отчаянии от ложной политики вождей компартии некоторые элементы из среды ее членов решились на террористические акты, и притом элементы, которые, с моральной точки зрения, отнюдь не могут считаться худшими». Статья заканчивается:

«Новые потоки крови прольются в многострадальной советской стране. На этот раз уже крови не «классовых врагов», как то было во времена «красного террора» 1918-19 гг., а собственных товарищей Сталина по партии. Но эта новая кровь не разрешит трудностей большевицкой революции, не залечит ран русского пролетариата. Напротив: русская революция вступает в новую опасную фазу».

ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛДЕМОКРАТИЯ.

В номере от 16 декабря орган Партейфорштанда, «Нейер Фюрвертер» пишет:

«В наличных условиях массовые казни в Советском Союзе представляются не вынужденными необходимостью мерами самозащиты, а возвратом к террористической «скорострельной» юстиции, практиковавшейся в прежние годы для устрашения противника. Больно и унижительно, что ответственные инстанции Советского Союза снова прибегают к методам, казалось, ушедшим в прошлое. Тем самым они лишь помогают агитации тех кругов, которые видят в террористических мерах советской юстиции признак внутренней слабости и неустойчивости советского режима и черпают в этой уверенности новые силы для махинаций против Советского Союза».

«И помимо всех соображений о человечности и морали, мы видим в таком поведении советского правительства непростительную политическую ошибку. Ныне, после своего вступления в Лигу Наций, Советский Союз стал одним из важнейших факторов политики мира, одним из столбов европейской системы безопасности, воздвигаемой против варварства Гитлеризма. Было бы весьма прискорбно, если бы создалось впечатление, что большевизм хочет еще перешагнуть своего фашистского антагониста в варварстве».

ИТАЛЬЯНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ.

Издающийся в Париже орган наших итальянских товарищей «Нуово Аванти» пишет в номере от 22 декабря по поводу массовых расстрелов в Ленинграде и Москве:

«В Москве есть суды, которые образом мягкости служить никак не могут. Если 75 расстрелянных заслуживали смерти, если то были фашисты, проникшие в Россию для покушений на вождей революции и на завоевания пролетариата, если имелась прямая связь между их преступлениями и убийством Кирова, — это надо было доказать в порядке гласного суда. Лишь в этом случае правосудие могло бы творить свое суровое дело».

«Большевицкие вожди совершили громадную психологическую и политическую ошибку, думая, что они свободны от обязанности объяснять свои поступки. Пролетариат не для того отвергает католическое богословие, чтобы заменить его большевицким; не для того отрицает непогрешимость папы, чтобы признать непогрешимость Сталина. Он желает знать и имеет право знать».

После опубликования обвинительного акта по делу Николаева и статей большевицкой печати, возлагающих вину за убийство на коммунистическую оппозицию, «Нуово Аванти» в новой заметке (5 янв.) приходит к выводу:

«Все это заставляет думать, что, когда меньшевики в своей резолюции встают против массовых казней и тайных процессов; когда они протестуют против духовного и политического удушения, апеллирующего к звериной ненависти

и ослабляющего моральную мощь русской революции и международного пролетариата в борьбе против фашистского террора; когда они требуют восстановления элементарных принципов свободы и самостоятельности для всего трудящегося населения СССР; — они лучше служат делу революции, чем большевистский верховный трибунал.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

В редакционной статье «Нью-Лидер», главный орган американской социалистической партии, откликается на массовые расстрелы в Ленинграде и Москве. Характеризовав процедуру военного трибунала, статья (15 декабря) приходит к заключению:

«Если это «пролетарское правосудие», как уверяют комму-

нисты, то мы, от имени рабочего класса, отвечаем, что мы не варвары и что тайные военные трибуналы несовместимы с социалистическим идеалом правосудия. Наш класс в час своей победы, разумеется, будет сурово подавлять реакционные заговоры, но все же он сохранит высокое уважение к человеческой жизни. Оправдание невинных будет нас так же заботить, как наказание виновных. Поэтому всем обвиняемым мы будем предоставлять возможность пользоваться защитниками, представлять свидетелей, и наш суд будет происходить гласно, перед лицом всего мира. Вот это — пролетарское правосудие, а не заседающая в тайне звездная палата, которая не допускает ни свидетелей, ни защитников и в которой обвинители являются одновременно судьями, прокурорами и палачами».

БЕЗ ХЛЕБНЫХ КАРТОЧЕК

Еще вчера широкие слои рабочих и служащих получали хлеб по карточкам по 50-60 коп. за килограмм; сегодня они платят уже по коммерческим ценам 1 р., 1 р. 10 коп. и 2 р. за кг. (в Москве). Нужды нет, что коммерческая цена на хлеб при этом значительно понижена (до сих пор коммерческая цена ржаного хлеба равнялась 1 р. 50 к., пшеничного 3 р. за кг.). Подавляющее большинство рабочих и служащих коммерческого хлеба не покупало. Переход от карточного снабжения к коммерческому означает для громадного большинства рабочих и служащих вздорожание хлеба более чем вдвое.

Еще больше поднялись цены на муку, крупу и т. п. Наиболее ярким примером может служить пшено, занимавшее до сих пор в пищевом бюджете рабочих немаловажное место: до сих пор — по карточкам — за него платили 27 коп. за кг. (при коммерческой цене в 5 р.); с 1-го января пшено продается — по коммерческой цене — по 3 рубля за кг., т. е. в 11 раз дороже!

Карточная система распределения в отношении некоторых продуктов (сахара, мяса, сельдей, масла) формально еще сохраняется, но фактически быстро увядает, и Молотов в своем докладе на ноябрьском пленуме ЦК прямо заявил, что отмена хлебных карточек это лишь первый шаг и что карточная система распределения продуктов продовольствия вскоре полностью будет сдана в архив. Это значит, что коммерческие цены будут определять в основном общий уровень цен. В этих условиях и децентрализованное снабжение, конвенционные заготовительные цены и т. п. должны будут постепенно в общем и целом приспособиться к уровню коммерческих цен и утратить свое недавнее значение. Рабочие и служащие полностью должны будут перейти на снабжение по коммерческим или приближающимся к ним ценам.

Правда, карточное снабжение за последние годы было значительно сужено. Но это сужение карточного снабжения не сопровождалось соответственным расширением покупок на рынке (или в коммерческих магазинах). Уровень цен на базарах и в коммерческих магазинах для громадного большинства трудящихся непомерно высок. Пищевой бюджет рабочих и служащих покрывался поэтому лишь в сравнительно небольшой части за счет рынка, в остальном же во все возрастающей степени за счет общественного питания. Сокращение карточного снабжения, может быть, и было основным фактором гигантского роста за последние годы общественного питания, т. е. питания по ценам, в основу исчисления которых клались все те же карточные цены на предметы продовольствия. По расчетам ЦУНХУ (см. сборник «СССР в цифрах») охват городского населения общественным питанием достиг в 1933-ем году 55 - 60 процентов. Действительная роль общественного питания, прав-

да, менее значительна, чем это может казаться на основании этих цифр, так как большинство «охваченных» общественным питанием были охвачены им лишь частично. Но гигантское значение, какое приобрело за последние годы общественное питание для широких слоев рабочих и служащих, вне сомнения. Как оно часто ни плохо (а за последний год оно, повидимому, и целом улучшилось), — без него при теперешних заработках зачастую просто невозможно было бы прожить. Сейчас и эта отдушина закрывается. Цены в общественных столовых будут отныне рассчитываться не по низким карточным, а по высоким коммерческим ценам на продукты продовольствия. Даже те продукты, которые получены общественными столовыми до 1-го января по старым низким ценам, столовым предписано переучесть применительно к новым ценам.

Правда, коммерческие цены не неподвижны и обнаруживали за последний год тенденцию к снижению, как значительно понизились за то же время и базарные цены. Но даже и пониженные коммерческие и базарные цены по сравнению с заработками подавляющего большинства рабочих и служащих чудовищны. Приведем несколько примеров. Наркомвнуторг только что опубликовал новые коммерческие цены на масло высшего и 1-го сорта: от 26 до 32 р. за кг. («Советская Торговля» от 15-го декабря), на колбасу — от 17 до 25 рублей за кг. («С. Т.» от 20-го декабря), на птицу — от 10 до 16 руб. за кг. («С. Т.» от 26-го декабря). Эти цены нередко даже выше базарных. Но вот и новые базарные цены в ряде значительных центров в середине декабря (т. е. уже после значительного декабрьского падения цен):

Масло коровье (за кг.) в Ленинграде, Свердловске, Харькове — 23 р., в Днепропетровске — 22 р., в Воронеже — 20 р., в Ростове-на-Дону — 19 р.

Масло растительное в ларькове — 18 р. за кг., в Воронеже — 12 р. за литр.

Молоко (за литр) в Ленинграде — 2 р. 50 к., в Свердловске — 2 р. 25 к., в Ростове-на-Дону — 2 р., в Запорожье — 1 р. 80 к.

Яйца (за десяток) в Ленинграде — 6 р. 75 к., в Харькове — 8 р., в Ростове-на-Дону — 7 р., в Днепропетровске — 7 р.

Говядина (за кг.) в Ленинграде, Запорожье, Воронеже — 6 р., в Ростове-на-Дону — 8 р., в Свердловске — 12 р. (Все приведенные выше цены заимствованы из «Советской Торговли» от 17-го, 18-го и 20-го и из «За Индустриализацию» от 21-го декабря).

Громадное несоответствие между этим уровнем цен и современным уровнем заработной платы бросается в глаза. Уровень заработной платы устанавливался у нас до сих пор исходя из фикции относительно скромного обесценения рубля (по сравнению с золотым рублем). Намеченное сейчас повышение заработной платы — на нем мы ниже остановимся подробнее — в принципе в этом отношении почти ничего не из-

меняет. На той же фикции была построена система карточных цен и на ней же и поныне строятся нормы квартирной платы, нормы оплаты коммунальных услуг, железнодорожный, трамвайный, почтовый тарифы. Но система карточных цен уже рухнула. Повышение квартирной платы, рост стоимости коммунальных услуг и пр. лишь вопрос времени. И лишь в отношении заработной платы сохраняется фикция высокой покупательной силы рубля, лишь тут господствующая бюрократия цепко держится за старые нормы, внося в них лишь совершенно ничтожные поправки.

Переход от карточных к коммерческим ценам с ответственной перестройкой общественного питания означает для громадного большинства рабочих и служащих гигантское повышение стоимости питания. Увеличение заработной платы в среднем на 10% является в этих условиях лишь паллиативом. Достаточно на помнить, что по последним данным месячный заработок рабочего или служащего, исчисленный в среднем для всего пролетариата, достиг в 1934 г. 148 рублей 47 коп. («Труд» от 24-го ноября). Даже при повышении этого заработка в среднем на 15 рублей размеры его окажутся ничтожными, если сопоставить их с приведенными выше ценами на предметы питания. Точно эти цифры, взятые из двух разных миров, двух хозяйственных систем с резко отличной и просто несравнимой валюты.

Но можно опасаться, что даже и это скромное повышение зарплаток для многих рабочих семей превратится в мираж. За последние годы наблюдался очень интенсивный процесс перехода домашних хозяек, жен рабочих, к фабричному труду. Профсоюзная перепись 1932-33 г. отметила, напр., что на заводе им. Ильича 17% всех работниц составляли бывшие домашние хозяйки, на заводе им. Рыкова (Енакиеве) 16,4%, на Коломенском паровозостроительном 20%, на «Красном Сормове» 28,5%, на «Красном Профинтерне» 26% («За Индустриализацию» от 27-го ноября). За истекшие со времени переписи почти два года процесс ухода домашних хозяек на производство — в связи с прогрессирующим сокращением карточного снабжения — получил свое дальнейшее развитие. Сейчас однако пользование общественными столовыми становится для многих рабочих семей недоступной роскошью. Многие из бывших домохозяек окажутся вынужденными вернуться к домашним горшкам. Процесс отлива из общественных столовых кое-где — главным образом в столовых для служащих — наблюдался уже и во второй половине 1934 г. Падение базарных цен создало кое-где условия для успешной конкуренции домашней кухни даже с общественной столовой, получающей значительную часть продуктов по нормированным ценам. «ИТР-овский» весьма посредственный обед на ЛМЗ им. Сталина стоит от 2 до 3 рублей, и многие семейные инженеры и техники, имеющие бережливых и умелых жен-хозяек или домработниц, считают теперь более выгодным обедать дома», читаем мы в «За Индустриализацию» от 12-го декабря. В Ленинграде в тресте открытых предприятий Ленгоснарпита кривая отпуска блюд с конца лета начала падать. В августе было отпущено 951, в сентябре 837, в октябре уже лишь 736 тысяч блюд. И орган тяжелой индустрии с тревогой отмечает, что сейчас, когда «домашняя хозяйка будет поставлена в равные условия с общественным сектором питания», создастся опасность, что «домашний обед забудет нарпиковский обед, и домашняя хозяйка, пошедшая в последние годы на завод, вернется к плите, к примусу».

„Мировой Большевизм“ по-французски:

Jules MARTOV

“LE BOLCHEVISME MONDIAL”

Préface de Jean LEBAS

Introduction de Th. DAN

Éditions «Nouveaux Prométée», Paris 1934.

176 pages. Prix 8.—Fr.

С заказами обращаться в контору «Сой. Вестника»

Но если жена вынуждена отказаться от работы на заводе, то общий заработок мужа и жены, несмотря на 10-процентное повышение ставок заработной платы, должен очень заметно сократиться.

Таких случаев будет, вероятно, немало, но для громадного большинства рабочих и служащих они все же нехарактерны. Для большинства номинальная заработная плата несколько повысится, но в то же время ее покупательная сила, т. е. реальная заработная плата резко сократится. Несмотря на широкоушательные заявления о росте заработной платы, которыми полна сейчас советская печать, руководители советской рабочей и хозяйственной политики отлично отдадут себе отчет в действительном положении вещей. Недаром уже на следующий день после опубликования постановления ЦК об отмене хлебных карточек Совнарком запретил руководителям предприятий и учреждений под страхом суровой ответственности «самочинно повышать установленную заработную плату с целью перестраховки». Отчего «страховаться», если предстоящая реформа означает повышение заработной платы? — А в профсоюзной печати, несмотря на весь официальный оптимизм и торжественные клятвы о благотворном влиянии реформы на жизненный уровень рабочих масс, нет-нет да и проскользнет еретическая мысль о необходимости принятия мер для смягчения положения хотя бы в наиболее тяжелых случаях, вплоть до предложения о выдаче безвозвратных ссуд из кассы взаимопомощи «особо нуждающимся» многодетным рабочим («Труд» от 29-го декабря).

В этих условиях прямо почти насмешкой звучит заявление Вейнберга на пленуме ВЦСПС в докладе об отмене карточной системы: «повышение заработной платы требует одновременного повышения производительности труда» («Правда» от 30-го декабря). Небольшое увеличение количества денежных знаков, получаемых рабочими, при громадном повышении уровня цен означает реально не повышение, а понижение зарплаты. По сему случаю требовать от рабочих повышения производительности труда не решился даже никто из наших капитанов промышленности, и хозяйственная пресса о таком повышении не проронила ни слова. Но вот нашелся-таки видный профсоюзный работник, который взял на себя эту мало почетную задачу!

К докладу Вейнберга и к пленуму ВЦСПС мы еще, вероятно, будем иметь случай вернуться после опубликования в советской печати подробного отчета о пленуме. Судя по предварительным кратким отчетам, пленум гораздо больше занимался вопросом об устройстве хлебопекарен, чем вопросами зарплаты. Это ставится политика. Сейчас зарплата становится основой существования рабочих. Предоставление рабочим и слу-

жащим рядом благ в натуре бесплатно или на льготных условиях — что играло в последние годы такую значительную роль в жизни рабочего — теперь резко сократится. На собрании Ленинградского партактива Жданов в своем докладе об итогах ноябрьского пленума ЦК провозгласил новое слово: «Привьется уважение к деньгам». Уважайте деньги! — таков новый символ веры наших нео-коммунистов. Но «уважайте деньги» означает решительный курс на «жесткий» хозяйственный расчет, означает для хозяйственников твердый курс на максимальное использование труда рабочих, означает нарастание у хозяйственников стремления экономить на зарплате и на всех «непроизводительных» расходах. А от этого, ох, как еще не поздно-

ровится рабочим, если они не сумеют противопоставить давлению со стороны хозяйственников сплоченности и организованной воли рабочих масс. При всем отличии современной социальной обстановки от обстановки первых лет нэпа пред профессиональными союзами сейчас, как тогда, встает с принудительной силой задача защиты интересов рабочих, как продавцов рабочей силы. От этой задачи нашим союзам не отвертеться, как бы этого ни хотелось нынешним их руководителям. Хочешь не хочешь, а придется «перестраиваться»! Активные и сознательные элементы рабочего класса позаботятся о том, чтобы поворот этот не очень затянулся.

С. Шварц.

ПАРТИЙНАЯ ТРИБУНА

НА ОПАСНОМ ПУТИ

ИНТЕРНАЦИОНАЛ И РУССКАЯ ПРОБЛЕМА.

Раскол рабочего движения бесспорно является одной из причин поражения пролетариата в одних странах, его отступления на оборонительные позиции в других. В свою очередь поражение рабочего класса в ряде стран грозит привести к еще большему углублению раскола международного рабочего движения.

По иронии истории, эта опасная тенденция к углублению раскола облекается сейчас в форму форсирования политики единого фронта. Мы не говорим уже о большевиках. Для них маневр единого фронта издавна является орудием раскольничьей политики. Мы имеем в виду социалистов, некритически относящихся к проблеме единого фронта, как этапа на пути к восстановлению пролетарского единства.

Сознание гибельности раскола перед лицом наступающего и побеждающего фашизма не может не вызывать у всех социалистов — без изъятия — жгучей потребности в усилении обороноспособности пролетариата путем восстановления его политического и профсоюзного единства. Но историческая потребность и даже необходимость, увы, не означает еще исторической возможности.

Золотое правило архитектуры гласит: «две слабости, опираясь друг на друга, образуют устойчивую арку». Это правило применимо и в политике. Но как и в архитектуре, при одном непременном условии, если обе «слабости» повернуты навстречу друг другу, а не в разные стороны. К сожалению, социализм и коммунизм в теории и в действии исторически повернуты в разные стороны...

Идеальное решение: один пролетариат — одна партия не было достигнуто и в довоенное время. Историческое развитие рабочего движения является, в сущности, медленным и трудным подготовлением этого идеального состояния. Верно однако, что в довоенном Интернационале мы имели весьма большое **приближение** к идеалу пролетарского единства. Оно было возможно — несмотря на несходство обстановки классовой борьбы в отдельных странах и не взирая на расхождения в теоретических и тактических вопросах — не только в силу «общности социального базиса и конечной цели», но и в силу однозначного признания принципов **рабочей демократии** в классовых организациях пролетариата и **государственной демократии**, как двух непременных предпосылок успешной борьбы за социализм и как неотъемлемых элементов самого социалистического идеала. В этом признании сходились Гэд и Жорес, Каутский и Бернштейн.

Победа большевизма в России положила начало расколу международного рабочего движения не по тому или иному актуальному, но временному вопросу (напр., политика социализма во время войны), а по самым основным, решающим вопросам социалистической идеологии, тактики и организации. Только поэтому стал возможен исторический парадокс: **победа коммунизма** в одной шестой части земного шара стала **источником не силы, а слабости** международного рабочего движения. Дело тут не только в утолическом стремлении большевиков сделать мелкобуржуазно-крестьянскую революцию в отсталой России отправным пунктом мировой пролетарской революции, на что правильно указывал еще Мартов. Дело даже не в попытке большевиков подчинить своему государственному руководству все рабочее движение на Западе, что неизбежно вело и ведет к его обезличению и превращению в слепое орудие внешней политики советского го-

сударства, — хоть и это момент чрезвычайной важности. Решающее значение имело — и имеет — основанное на государственной практике русского большевизма возведение партийной диктатуры в единственную, обязательную для всех стран, форму осуществления пролетариатом политической власти и реализации социализма. Вытравление демократического начала из государственной и социалистической концепции коммунизма, неизбежно приводящее к упразднению свободы и самоуправления в классовых организациях пролетариата уже в эпоху борьбы за власть, уничтожило ту идеологическую и организационную основу, на которой зиждилось здание единого интернационала до войны и только и возможно существование социалистического интернационала в настоящее время. **РСИ может существовать, как интернационал демократического социализма, или его вовсе не будет.**

ОПАСНОСТЬ РАСКОЛА РСИ.

Игнорирование принципиальной и практической несовместимости демократической и диктаторской концепций социализма, к исконным началам демократического социализма, ния раскола в международном рабочем движении. Неудача этой попытки в 1922 г. привела к слиянию так наз. «лондонского» и «венского» интернационалов — без Коминтерна. Это объединение, осуществленное на гамбургском конгрессе 1923 года, явилось огромным шагом вперед на пути к единству. Об'ективно оно означало возврат «венских» партий, пытавшихся, под впечатлением большевистской революции, сочетать принципы свободы и диктатуры, демократизма и советизма, к исконным началам демократического социализма. Несмотря на расхождения в отдельных тактических вопросах (отношение к Лиге Наций, к политике коалиций и т. п.), **об'единение** Лондона и Вены скоро перешло во все более тесное **сращение**. Но с изменением исторической обстановки зажившие были швы бывшего разрыва стали снова расходиться. Интернационал вступил в полосу кризиса.

Прочность цепи определяется прочностью ее самого слабого звена. **Слабейшим звеном** в идеологии РСИ было все время **отношение к русской проблеме**, за которым скрывалась неполная выясненность основного вопроса о диктатуре и демократии, как путях к социализму. Не случайно ведь РСИ упорно избегал широкой и принципиальной постановки русской проблемы, ограничиваясь, в лучшем случае, осуждением большевистского террора. Но поражение демократии в ряде стран с могущественным рабочим движением придало русской проблеме жгучую актуальность. В сущности, на этом вопросе сконцентрировался сейчас идейный кризис международного социализма, грозящий превратиться в организационный распад РСИ. После попытки уйти от этой колочей проблемы путем географического размежевания с большевизмом (демократический социализм для культурного Запада и диктаторский социализм для варварской России), наступила, в связи с победой фашизма в Центральной Европе и под влиянием разочарования в демократии, эпоха поисков средней, промежуточной, социал-коммунистической идеологии, возвращающей нас к опытам в этом духе двух-с-половиною интернационала*). Тем самым поколебалась идеологическая основа РСИ, а с нею и организационная спаянность об'единенных в нем партий.

Раскольничьих дел мастера в Кремле верно учуяли момент для нового развертывания маневра единого фронта. В форсировании этого маневра немалую роль играют внешне-

*) См. П. Гарви: «Об идейно-полит. предпосылках единства». «Соц. Вестн.» 1934 г. № 21.

политические потребности советской диктатуры и лишь подчиненную — давление рабочих низов на Западе, стихийно стремящихся ответить на наступление фашизма сплочением своих расколотых рядов. Но крупную роль играет и желание поглубже вбить клин в рвущийся кризисом РСИ, являющийся препятствием на пути полного подчинения рабочего движения Западу Москве.

К сожалению, этой расчитанной тактике направляемого Сталиным Коминтерна противостоит расшатанность РСИ в целом и ослепление завороченных утопической перспективой единого фронта «левых» партий. Что означает, в самом деле, **выступление семи партий с особой декларацией о едином фронте** на ноябрьской сессии Исполкома РСИ? В другое время и в других условиях коллективные выступления партий РСИ для выражения особого мнения по тому или иному вопросу представляются нормальным явлением в Интернационале, основанном не на казарменной субординации, а на свободном высказывании взглядов при условии подчинения общим решениям. Такого рода выступления имели место на конгрессах в Марсели и в Вене. Но в нынешних условиях острого идейного кризиса РСИ, осложненного еще расхождением условий и методов борьбы в странах демократии и в странах диктатуры, всякое коллективное выступление грозит стать исходным пунктом для фракционных группировок внутри РСИ, ведущих рано или поздно к **расколу**. Неслучайно под декларацией значатся подписи делегатов бывших «венских» партий. Именно это обстоятельство подчеркивает опасность того пути, на который вступил ряд партий — к сожалению, при участии делегата и нашей партии, т. Дана. Это тем более достойно сожаления, что в своих печатных высказываниях т. Дан, как и т. Отто Бауэр, провозглашая лозунг «назад к Вене», отдают себе отчет в критическом положении РСИ и сознают как будто, что нельзя **реальное единство** социалистического пролетариата, достигнутое с таким трудом в рамках РСИ, приносить в жертву **проблематическому единству** с коммунистами. Для нашей партии, в частности, следовать и дальше по этому пути, ведущему к расколу РСИ, было бы прямо самоубийственной политикой.

ГНИЛАЯ ОСНОВА ЕДИНОГО ФРОНТА.

Но несравненно более важной, чем организационная сторона дела, представляется нам **политическая** ошибочность позиции, формулируемой в декларации семи партий. Она обходит молчанием острейшую проблему, стоящую на пути к осуществлению единого фронта и пролетарского единства, особенно, в международном масштабе, — **русскую проблему**. Между тем кардинальное и решающее значение этой проблемы было хорошо известно т. Дану, который еще так недавно мотивировал несвоевременность и прямой вред центральных переговоров РСИ с Коминтерном опасением, что эти переговоры разобьются о неразрешимую сейчас русскую проблему, тем самым затруднив заключение местных пактов о единстве действий для борьбы с фашизмом, прокладывающих путь объединению в международном масштабе. К сожалению, поворот т. Дана в вопросе о форсировании центральных переговоров — ибо к **этому** сводится сущность декларации семи партий — сопровождался фактическим согласием его на затухание и снятие русского вопроса.

Ибо нельзя же признать открытой постановкой русского вопроса содержащееся в «декларации семи» предложение Коминтерну вступить в прямые переговоры с РСИ на началах равноправия всех примыкающих партий, стало быть, и русских социалистических партий, входящих в РСИ. Русская проблема, как интегральная и существенная часть проблемы единого фронта и пролетарского единства, не может быть сведена к частному организационному вопросу о допущении русских меньшевиков к равноправному участию в переговорах за круглым столом между двумя Интернационалами. Распространительное толкование этого пункта автором декларации, Леоном Блюмом, в духе «рабочей демократии» наткнулось немедленно же на резкий отпор со стороны коммуниста Марти, указавшего на то, что партия меньшевиков это фикция и что единый фронт, больше того — пролетарское единство давно уже осуществлены в Сов. России в форме «единой и единственной» коммунистической партии.

Русский вопрос должен быть поставлен в центральных переговорах не в завуалированном виде, не в форме придаточного предложения, подлежащего «толкованию», а прямо и открыто, во всем своем принципиальном значении, т. е., как **вопрос о политическом режиме**, установленном большевиками в России и несовместимом ни с интересами русского пролетариата, ни с требованиями социалистического идеала, ни с потребностями освободительной борьбы мирового пролетариата. Это вопрос о **большевистском эксперименте**, приносящем миллионы человеческих жизней и интересы трудящихся масс в жертву утопии штыком насаждаемого казарменного «социализма», компрометирующего только социалистическое

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ Р. С. Д. Р. П. РЕКОМЕНДУЕТ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ И СОЧУВСТВУЮЩИМ ПРИОБРЕТАТЬ И ВЫПИСЫВАТЬ ВСЕ ГАЗЕТЫ, ЖУРНАЛЫ И КНИГИ ЧЕРЕЗ КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ БЮРО ПРИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ВЕСТНИКЕ».

БЮРО ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕ ЗАКАЗЫ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВ.

движение во всем мире. Это вопрос о демократических свободах, завоеванных февральской революцией и начисто уничтоженных большевиками, о свободе самостоятельности трудящихся, в частности, рабочего класса, об **анти-крестьянской политике** коллективизации, отбрасывающей деревню в лагерь контр-революции.

Это не русский только, это **международный** вопрос, воистину, **вопрос вопросов**. Являющаяся целью единого фронта, анти-фашистская мобилизация масс в странах Зап. Европы, в частности, крестьянских масс, «во имя защиты демократических свобод», наталкивается на жесткий факт попрания демократических свобод, рабочих прав и крестьянских интересов в стране, где коммунисты вот уж 17 лет находятся у власти.

Между тем «декларация семи», подписанная в порядке политического недоразумения и делегатом **русской** социал-демократии, уклоняется от постановки **русской** проблемы, как она диктуется с повелевающей необходимостью самой жизнью. Она сознательно ограничивает цель и задачи центральных переговоров двух Интернационалов «изысканием методов защиты демократических свобод в странах, где они существуют, и методов революционной борьбы (во имя чего? П. Г.) в странах, где фашизм эти свободы уничтожил». Эта формулировка, нарочито неясная, распахивает настежь двери перед ново-венскими концепциями, согласно которым целью революционной борьбы в странах фашизма должна быть замена фашистской диктатуры диктатурой большевистского образца. Как мог подписать эту двусмысленную формулировку представитель партии, которая должна была бы, в качестве, так сказать, эксперта по диктатуре, предостеречь братские партии от увлечения идеей диктатуры?

Но самое существенное это то, что в декларации говорится о совместном изыскании методов революционной борьбы в странах, где демократические свободы уничтожены **фашизмом**, но нет ни звука о том, как быть пролетариату огромной страны, где демократические свободы начисто уничтожены не фашизмом, а **коммунизмом**? Это сознательное умолчание, объясняемое колебаниями подписавших декларацию партий в вопросе о диктатуре и демократии, приводит к тому, что тактика единого фронта строится на гнилом фундаменте политической двусмысленности, только дискредитирующей социализм и подрывающей борьбу социалистических партий в защиту демократических свобод, как предпосылку социализма. Но это умолчание является прямо самоубийственным для нашей партии, самый смысл существования которой исчезает с того момента, как вопрос о демократизации политического режима в Сов. России, в частности, вопрос о свободе самостоятельности русского пролетариата, снимается с порядка дня при переговорах двух интернационалов о единстве действий и о восстановлении пролетарского единства в международном масштабе.

СОБЫТИЯ В РОССИИ И ЕДИНЫЙ ФРОНТ.

Русская действительность грубо и властно напомнила о неразрывной связи, существующей между проблемой международного единства и политикой большевизма в России. **Заговор молчания**, устроенный в последние годы по отношению к советской действительности, как «реформистскими» партиями по мотивам национально-государственным, так и «левыми» социалистическими партиями из ложно понятых интересов единого фронта, был нарушен громом массовых расстрелов в Советской России в ответ на убийство Кирова.

Воистину, иллюзии гибнут, факты остаются. Но с иллюзиями не так то легко расстаться. Так, напр., статья Леона Блюма, ученика и сподвижника Жореса, столь усиленного ноту гуманности в социализме, тяжело поразила не одних нас своим тоном полусуждения и полудоуверия новой вспышки массового террора в России. Эта статья, как и предпосланные резолюции Загр. Делегации РСДРП строки того же Блюма в «Попюляр», являются тяжелой данью иллюзии единого фронта...

Но факты, кровавые факты последних дней, говорят красноречивее слов. Они заставят призадуматься. Как возможен в самом деле единый фронт социалистов с коммунистами, если в стране господствующего коммунизма оказалось невозможно сожительство в одной партии коммунистов различных оттенков, так что одни коммунисты устраивают покушения на большевистских вождей, а другие отвечают массовыми казнями и бессудной расправой со старой гвардией большевизма? Как можно в интересах восстановления пролетарского единства идти на идеологические уступки большевистской концепции диктатуры, как пути к социализму, когда в стране «пролетарской диктатуры» возможно разнуздывание звериной «ярости масс» **сверху**, но невозможно ни критика власти **снизу**, ни самостоятельное участие масс в строительстве новой жизни? Как можно твердить о «рабочей демократии», как необходимом и достаточном условии для объединения социалистов с коммунистами, когда события в Советском Союзе воочию показали, что **не может быть рабочей демократии вне государственной демократии**, что партийная диктатура неизбежно вырождается в личное самовластие, что, закрывая все выходы для выражения общественного недовольства, диктатура тем самым неизбежно загоняет все разногласия и противоречия во внутрь, доводя до кипения придушенные политические страсти и толкая даже принципиальных сторонников большевистской диктатуры на путь террористической борьбы? Можно-ли, допустимо-ли, в угоду иллюзии единства, невозможного при нынешней политике большевиков, объявлять дело Сталина **своим** («строить социализм, как в России») и ставить его в образец международному пролетариату, когда даже в самой коммунистической партии политика Сталина вызывает острое недовольство?

30-ое июня, день кровавой расправы Гитлера со своей оппозицией, вызвало известное отрезвление даже в реакционных кругах на Западе, склонившихся перед ореолом победоносной фашистской идеи. Нужно приложить все усилия к тому, чтобы урок кровавых оргий Сталина раскрыл глаза международному пролетариату и оборвал полосу про-большевистского поветрия, порожденного его бессилием перед лицом фашизма, но способного только затруднить его борьбу с фашизмом.

П. Гарви.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — К убийству Кирова и расстрелам *).

Было бы неправильно сказать, что новая вспышка террора и массовых расстрелов производит очень большое впечатление — по крайней мере, в той бюрократической среде, которую я изо дня в день наблюдаю. Можно даже утверждать, что оно и в сравнение не идет с тем, что бывало раньше, особенно в полосу «вредительских» процессов. Объясняется это, вероятно, тем, что в огромном большинстве расстреляны люди, уже давно находившиеся в заключении. Из среды служащих, спешов, рабочих как будто никто не вырван и не исчез бесследно, как это бывало при больших операциях во «вредительские» времена, когда места, на которых вчера еще сидели влиятельные и могущественные люди, внезапно оказывались пустыми и своей жуткой пустотой наводили панику на всех окружающих. Правда, говорят, среди расстрелянных много чекистов, которые вчера еще сами творили суд и расправу, но с этой средой люди нашей среды не являлись, и потому трудно судить, какое впечатление произведено там. В рядовой же партийной среде, с которой имеется постоянное соприкосновение, наблюдается большая напуганность, но коммунисты на этот раз еще сдержаннее, чем всегда, и больше помалкивают, а, может быть, и сами ничего не знают. Но средняя беспартийная масса — спешы, служащие, рабочие, в сферу огня не попали и потому слабо реагируют на происходящее. Как будто все это — «их» спор между собою.

В шопотах часто называют имя Зиновьева: не то он арестован, не то от него потребованы только какие-то объяснения. Кое-кто говорит даже, что его собираются расстрелять, но такую мысль как-то трудно допустить. Но, конечно, красивые денечки для него прошли, да и не для него одного... В частности, очень угнетены иностранные коммунисты-эмигранты, из тех, кому до сих пор жилось вольготнее и веселее. Теперь им становится неуютно: упорно говорят, что среди расстрелянных немало таких эмигрантов: это будто бы и есть — перешедшие границу Польши и Финляндии.

*) Корреспонденция эта, написанная 16 декабря, запоздала к предыдущему номеру. Мы все же печатаем ее, полагая, что она сохраняет интерес для характеристики настроений в Советском Союзе.

Упорно ползет слух, что это — «последняя» волна террора. И потому, как это ни странно, в ней многие хотят видеть, как выразился один коммунист, «победу европейского начала Литвинова над всеми темными силами, вытеснившими Советский Союз из семьи европейских народов». Теперь-то будто бы и начнется царство правопорядка, столь необходимого в нашем огромном хозяйстве. То, что еще недавно служило украшением, было красой и гордостью социалистического отечества, становится лишним тормозом на пути развития «нашей прекрасной страны». В тормазы постепенно попадают эмигранты-коммунисты и вообще все хозяйство Коминтерна; сплоченная, себе доверяющая семья чекистов; кое-какие неугомонные элементы в партии. Теперь все это так или иначе должно быть сметено, и весьма возможно, что события 1-2 декабря станут как бы первой вехой на этом пути к порядку...

Ч.

16 декабря 1934 г.

Другой корреспондент пишет нам в письме от 1 января:

Убийство Кирова было громом из ясного неба не только для всего населения, но и для оппозиционных элементов страны. Еще большею неожиданностью явилось сообщение о связи Николаева с внутри-партийной оппозицией. Пока еще очень трудно что-либо сказать, насколько опубликованный обвинительный материал устанавливает действительные движущие силы, побудившие Николаева на этот акт. Во всяком случае не вызывает сомнения, что Николаев в прошлом активно участвовал в Зиновьевской группе. Этим обстоятельством совласть пользуется для полного разгрома каких бы то ни было остатков оппозиции всех разновидностей. Относительное спокойствие в умонастроениях партийцев-середнячков, характерное для последнего времени, снова сменилось тревожным настроением.

Очевидно, события свидетельствуют, внутри ВКП продолжаются серьезные брожения.

1 января 35 г.

Н.

МОСКВА. — Беседа с коммунистом. — Старых большевиков в академии и богадельни. — Коммунисты-карьеристы. — Беспринципность — как принцип. — Воспитание строптивых. — Пролетарий, как рабсила. — Как заставить рабочего работать — основная проблема. — Социальное неравенство и социальные противоречия. — Громадные достижения, но какой ценой! — Рядовой коммунист об едином фронте. — Трудности в деревне. — Пропасть между властью и крестьянством. — Тревога за советских детей *).

Несколько лет тому назад я как-то уже поместил в «С. В.» корреспонденцию, весьма остро и критически оценивающую настроения и тенденции в коммунистической среде, написанную на основании беседы с одним моим приятелем, старым и видным коммунистом. Сейчас после долгого перерыва мне довелось вновь встретиться с ним же и иметь длинную и откровенную беседу. Так как сейчас среди старых коммунистов **безверие в будущее**, скептицизм, а порой и цинизм — явление широко распространенное, то я решил ознакомить Вас с основными моментами нашей беседы.

Мы сейчас не в фаворе, — с горечью сказал мне мой приятель, старый большевик. — Нас посылают в ученые учреждения, в санатории. Нам в лучшем случае дают почетные места, сажают на посты, требующие кропотливой работы, но политику в партии делают, тон музыки задают **новые поколения коммунистов**. Это шумная, крикливая молодежь, убежденная, что в жизни надо **пробиваться локтями**, ни во грош не ставящая принципы и убеждения, считающая заслугой свою способность менять взгляды в 24 часа, если на это последовал приказ Сталина. Вот недавно я беседовал с одним большевиком «из молодых, да ранним», занимающим видный пост в Наркоминделе. Речь зашла о **Лиге Наций**. Я доказывал, что в Лигу Наций ни в коем случае СССР вступать не следует. Встретив возражения, для большой убедительности сослался на брошюру Сталина, в которой он доказывал, почему СССР не следует вступать в Лигу Наций. А в ответ получил циничную фразу: «я сталинец не хуже тебя, и потому и считаю нужным вступить в Лигу Наций, что таково мнение Сталина в настоящее время»...

Нас старых большевиков в дни торжеств весьма почитают. Кое-кого по случаю всяких бенкетов охотно сажают в почетный угол, но к настоящей политической работе не подпускают. Вот поглядите вокруг! Не только соратники Ленина, но даже работники последующих поколений, активные

*) Письмо написано до убийства Кирова, но в силу технических условий транспорта задержалось в пути и нами получено только в конце декабря.

участники октябрьских дней и гражданской войны сейчас в загоне. Посмотрите, кто сейчас верховодит в партийном и советском аппарате. Все — приспособленцы, люди у которых главное достоинство угадывать повороты политики Сталина. Сталин сидит крепко. Всякая **оппозиция так разгромлена**, что ни о каком коллективном ее выявлении не может быть речи. Но злобы, затаенной обиды, ненависти к сидящим повыше, друг к другу — в партии столько, что когда это вскроется, захлебнуться придется. Люди **привыкли лицемерить**, не только скрывать свои взгляды, но и симулировать искренность и пафос защиты политических мероприятий, против которых протестует их сознание. Сейчас у нас все вокруг приспособливается, подхалимничает, лыстят перед выше стоящими. Весь вопрос лишь в ранге: одному придется больше приспособляться, а другому меньше. Наблюдается сейчас жуткое явление. Иные старые большевики, проделавшие царское подполье, прошедшие через царскую каторгу, не раз смотревшие в глаза смерти во время гражданской войны, сейчас настолько сломлены, что не только не думают об изменении ошибочной, по их мнению, политики партии, но мечтают лишь об одном: как бы дожить свой век без того, чтобы угнали в ссылку, устроили процесс, ошельмовали, опозорили лично. И стыдно сказать, мечтают о том, чтобы не разрушили семью, не выгнали с квартиры, не лишили средств существования... Это, конечно, душевная надломленность, идейное старчество. Но следует иметь в виду, что нас ломают, нас воспитывают вот уже свыше десятилетия. Таких обывателей-коммунистов немало вокруг. Коммунисты, находящиеся сейчас у власти, конечно, иные, у них много активности, целеустремленности, способности ни перед чем не останавливаться. Но **о социализме** многие из них думают только в меру пропорции, отпущенной на этот предмет Сталиным. Это вроде обязательной парадной фразы, как у Гитлера разговоры о мире...

В высшей степени характерно, как в нашей среде сейчас **относятся к рабочим** и к их требованию об улучшении уровня жизни. Сейчас в коммунистической среде, и даже не только среди хозяйственников, а и среди людей, находящихся на ответственной партийной работе, очень злободневны беседы «о рабочем», но главным образом о рабочем, как «рабсиле», а не как о строителе социализма и государства и хозяйне страны. Когда обсуждается то или иное мероприятие, его прежде всего рассматривают под углом зрения: побудит ли оно рабочих увеличить их производительность. Более того, когда в нашей среде говорят иной раз о соглашении с меньшевиками (в связи с переговорами об едином фронте), то главным и наиболее веским доводом против соглашения является указание на то, что «меньшевики вновь разложат рабочих, начнут союзные протесты и всяческие требования, а хозяйство вновь пойдет под гору». Иногда прямо так откровенно и говорят: вот если-бы меньшевики знали верное средство, как заставить рабочего работать, над чем тщетно бьемся мы, то тогда стоило бы говорить о соглашении, а без этого во имя чего? Без свободы мы проживем...

Я много прожил, многое повидал, давно уже растерял всякие излишние «сентименты», но и мне делается жутко, когда я вижу **резкую социальную дифференцированность**, которая с каждым днем усиливается у нас в Союзе. Партийные функционеры, красные директора, аппаратчики живут хорошо, одеваются по европейски, питаются хорошо и обильно. Многие имеют в своем распоряжении автомобили. А на ряду с этим **ужасающая беднота**. Продуктов мало, они дороги, лекарства достать нельзя. За каждой мелочью приходится исходить версты, плакать и унижаться. Никогда еще в советское время рознь между социальными группами не была так кричаща. Это порождает рангопочитание, подбострастие вплоть до пресмыкания и, конечно, лютую ненависть. Противоречия на каждом шагу. Вот этим летом я пробыл месяц в санатории. Прекрасно обставлена. Чисто, сытно, светло. И даже весело. А в ближайших деревнях крестьяне сидели по вечерам в темноте, так как не было керосина, и многие сотни из них отправлялись ежедневно побираться, так как в районе был острый неурожай... Когда об этом заговоришь в коммунистической среде, обычный ответ: **не уравниловку же нам разводить**. И хотя слово уравниловка в коммунистической среде произносится с предельным пренебрежением и презрением, однако, я убежден, что тысячи коммунистов чувствуют себя не по себе каждый раз, когда сталкиваются с все возрастающим социальным неравенством...

Вы вот ужасаетесь моей душевной опустошенности. Видно мало вы подумали над тем, как у нас умеют обтесывать людей. Ведь только недавно мы показали всему миру пример массового **идейного перевоспитания советских писателей**. Мало ли было спели них «независимых», протестующих против «социального заказа», а сломали. Нашлось и сейчас дватри писателя, отказавшихся провозгласить верноподданничество,

Их формально лишили звания писателя, т. е. обрекли на полное молчание и голодное умирание. Впрочем, и их сломят. Вопрос лишь времени! Но странно вот одно. Нам непонятно, как это такого большого писателя, как Горький, заставили докатоиться до полного падения. А уж, если и нам непонятно, то это кое-что значит, ибо в сделках с совестью, в приспособляемости к требованиям вождей, в пресмыкательстве перед выше стоящими по положению, мы дошли до предела. Кое у кого в нашей среде созданы даже теоретические концепции. **Беспринципность**, мол, в капиталистическом строе — несомненное зло, а в наших условиях — **естественное следствие переходного периода**.

Вы вот спорите со мной, что я не вижу **крупных положительных явлений**, доказываете, что я **упадочник**, и что я не способен на вещи смотреть исторически. Нет, это неверно! В **историческом аспекте** я знаю, что наше дело верное и выигрышное. История, конечно, многое выравняет, поставит на свое место, отбросит худое, временное, утвердит положительное. Но пока то жизнь наша прескверная. Вокруг, куда ни повернешься, видишь столько грязи и мусора. Вот **советский строй** себя несомненно оправдал и с некоторыми коррективами несомненно будет воспринят в период революции и другими странами. Он дает нам исключительную подвижность, позволяет сегодня укреплять одни позиции, а завтра другие. Благодаря ему нам удавалось и удастся ликвидировать всякое сопротивление обреченных классов. И **строительство** мы ведем громадное. Быстроили гигантские заводы и шахты. Москву за последние годы не узнаешь. При каком строе с такой решительностью сносили бы улицы, разрушали дома, воздвигали новые, разрушали бы стены Китай-города, древние храмы и строили бы новые двенадцатитажные дома и дворцы индустрии или научные институты? Построили мы Днепрострой, Северный канал, соединим и Волгу с Москва-рекой. В ближайшие годы начнет работать ряд новых железно-дорожных магистралей. За то, что **не растрачиваем мы народное хозяйство**, а бешено организуем его, **история нам многое простит**, но, когда я смотрю на строящиеся каналы и железные дороги, я и тысячи коммунистов со мной не можем не вспомнить Некрасовскую железную дорогу. Мы ведь своими глазами видим тысячи трупов, утробывающих фундамент наших гигантов. Кто их считал?

Но самое жуткое — это неравенство повсюду, неравенство кричащее! Вот недавно пришлось мне ехать по железной дороге в районе Кавказских минеральных вод. Буфеты пусты, вагоны переполнены тысячами людей, двинувшихся в поисках хлеба, женщин, детей. Вдоль дороги сотни просящих хлеба. А на каждой остановке поезд встречают оркестровой музыкой. Это для иностранцев, едущих с Интуристом на курорт. Подошел к музыкантам, разговорился. Даже музыканты сидят голодные, животы перетянуты, а иностранцам нужно играть джазы и прочие танцы. Зачем это? Кому это нужно?

Вот вы придаете большое значение **единому фронту** между социалистами и коммунистами. Я думаю, что вы его значение переоцениваете. Для нас такая политика сейчас выгодна, но мы ее будем вести, пока она нам выгодна. Ваше предположение, что мы не сумеем «отмежеваться» вторично, не разделяю. Вы переоцениваете роль масс и недооцениваете наши методы. Мы это уже неоднократно доказывали вам на практике... **Войны** мы не хотим, пойдем на все, чтобы ее избежать. Удается ли это нам, не знаю. Правда, и японцы ее не хотят. У них очень неблагоприятен тыл. Все же наше начальство с возможностью войны считается, как с актуальной опасностью. Сведущие люди утверждают, что армия у нас в прекрасном состоянии, хорошо организована, боеспособна и главное сыта и советскому строю предана. Сейчас и ближайший и длительный период во внешней политике мы будем держать курс на совместную с Францией политику. Будем активно проводить и тактику единого фронта. До чего мы далеки от единого фронта с вами, меньшевиками, вы можете судить хотя бы из того, что сейчас в коммунистических школах, университетах и ученых учреждениях вновь взялись за усиленное изучение меньшевистской истории и политики меньшевиков за весь период революций и в настоящее время. Усиленно готовим агитаторов — изблечителей вашей предательской роли, готовимся на случай разложения меньшевистской контр-революционной гидры. Изобличить и искоренить — вот наше отношение к вам — русским социалистам.

Самое трудное и до сих пор неразрешенное дело — это **сельское хозяйство и крестьянский вопрос**. Несмотря на все успехи коллективизации и блестящие хлебозаготовки, с крестьянством мы до сих пор не имеем общего языка. Быть может потому, что до сих пор мы его **усиленно обираем**. Впрочем громадную роль играет темнота и некультурность **крестьян**, о чем с ужасом думал Ленин в последние месяцы своей жизни.

Вот недавно среди коммунистов пользовался большой по-

пулярностью следующий действительный факт, звучащий почти как анекдот.

Приехал Калинин в один из сельских советов. Произносит длинную торжественную речь, восхваляющую достижения советской власти и местное крестьянство, выполнившее хлебозаготовки. Во время речи Калинин с удивлением замечает, что от времени до времени председатель сельсовета отдает распоряжения: «разом встать!» Все встают. «Разом сесть!» — все садятся. Калинин изумленно продолжает речь. Но после того, как эта история несколько раз повторилась, Калинин торопливо закончил речь и обратился к председателю с негодующим вопросом: почему он ему мешал говорить? В ответ получил краткий, но вразумительный ответ: «спял гадюки!»

В большой тревоге мой знакомый старый большевик за современных советских детей. В противоположность распространенному мнению, он утверждает, что большинство советских, даже коммунистических детей, физически слабо. Они перегружены школьной учебой, рано получают политическую нагрузку и вовлекаются в острую борьбу течений, группировок, тенденций. Они очень впечатлительны, но страшно нервы и неуравновешены. Одни из них с раннего детства растут эгоистами и карьеристами, другие — запуганы, озлоблены и заведомо неприспособлены к жизни.

Таковы высказывания моего собеседника коммуниста. Краски, которыми он рисует состояние и настроения в своей собственной партии, как видите, достаточно мрачны. Не сказали ли в этой мрачности до известной степени и личные разочарованность и озлобленность моего собеседника, принадлежащего к старой гвардии большевизма, которую ныне оттирают более молодые поколения, — судить трудно.

Н.

РУССКИЕ СОЦИАЛИСТЫ — АНГЛИЙСКИМ.

Печатаем интересное письмо, подписанное «русские социалисты» и адресованное Английской Рабочей Партии. Письмо это получено нами из крупного портового города Европы со следующей припиской: «намекалось на посылку в «Дейли Геральд» (орган английской Рабочей Партии), но, узнав, наконец, ваш адрес, посылаю вам. Письмо из СССР от ваших друзей».

Вот полный текст письма:

Английской Рабочей Партии.

Ваша партия пользуется уважением рабочих всех стран и является крупнейшей партией Социалистического Интернационала. Но, к сожалению, вожди вашей партии — Вебб и другие — увидели в СССР новые заводы, клубы и школы, но не сумели понять действительных социальных отношений и положения трудящихся в СССР — и до сих пор неправильно освещают перед английскими рабочими современный строй в Советской России.

Пора всему миру понять, что в Советской России.. (не разборчиво), что большевики уже давно перестали выражать .. (не разборчиво) стали партий директоров и администраторов всякого рода. Строят они не социализм, а капитализм особого рода. Это доказывается тем, что, уничтожая старые буржуазные и мелкобуржуазные классы, они выращивают новые привилегированные классы и группы, существующие за счет угнетения и эксплуатации рабочих и трудящихся. В СССР образовалось несколько новых классов и групп, положение которых совершенно различно:

1) **Высший политический, административный** .. (не разборчиво) сделал этих людей полноправными хозяевами предприятий и учреждений — **единоначальниками**. Рабочий контроль давно стал фиктивным, все дела предприятия фактически решают директора и главные инженеры, которые по своему произволу устанавливают нормы выработки, расценки на работы, порядок работ, условия оплаты и снабжения своих подчиненных. Эти заправилы получают огромное по нашим масштабам жалование (не редкость 2 и 3 тысячи рублей в месяц), огромные премии за накопление прибылей, собственные автомобили (5-10 тысяч рублей), ордена и награды. Они получают бесплатно лучшие места на курортах, снабжаются лучшим товаром по дешевым ценам, пируют на роскошных банкетах, бесконтрольно распоряжаются большими суммами. Получают лучшие квартиры и дополнительную площадь, некоторые уже имеют собственные загородные виллы, ездят за границу на государственные деньги, заставляют правительство выполнять свои требования. Они могут самовластно выгонять всякого подчиненного, провинившегося перед ними, не давая ему никакого пособия. Этот класс и в правовом, и в бытовом положении — все больше приближается к буржуазному типу.

2) **Рядовые инженеры, профессора, литераторы, художники, мастера и бригадиры**. Еще недавно эти слои были против правительства. Но теперь правительство всячески идет

им навстречу, улучшает их положение в быту, дает им все больше прав и власти над низшими слоями, так как сознает, что господство и преимуществ высшей бюрократии можно сохранить, лишь опираясь на довольный средний класс, который многочислен и может охранять существующий строй от гнева обездоленных масс, за счет которых улучшает свое положение высшая бюрократия.

3) **Ударники** — наиболее сильные и ловкие работники из низших слоев, проявившие себя помощью администрации — также получают некоторые привилегии (ударные карточки и т. п.). Это нужно для того, чтобы единая масса рядовых трудящихся была расколота, чтобы все трудящиеся не могли объединиться во имя общих интересов и бороться против высшей бюрократии.

4) **Рабочие «ведущих профессий»**. Положение их не блестящее. Средний заработок — 150-300 рублей, что в золотом исчислении составляет не больше 20 рублей золотом или 2 с пол. фунта стерлингов в месяц. Это меньше среднего заработка русских рабочих до войны в 3-4 раза. Но все-таки и такой заработок — сравнительно со средней зарплатой в 1934 г. (140 рублей или 6-7 рублей золотом) — очень велик. Причина этого: квалифицированные рабочие наиболее культурны и способны к организации. Власть боится их и поэтому дает им несколько больше, чем другим, стараясь ослабить их недовольство.

5) **Низшие служащие** получают 150-200 рублей, но их снабжение поставлено гораздо хуже чем у рабочих. Так что реальный их заработок не превышает 6-7 рублей золотом в месяц.

6) **Чернорабочие и рабочие мелких предприятий** получают 50 - 100 рублей или 4 - 6 рублей золотом в месяц. Ясно, что эти рабочие находятся в крайне тяжелом положении. А процент их в рабочем классе — не менее 60%. Их выгоняют по всякому поводу и они совсем бесправны.

7) **Колхозники**. Среди них тоже большое расслоение: правленцы, бригадиры, ударники — живут не хуже прежних кулаков. Основная же масса совсем забита, запугана и голодна.

8) **Принудработники** — их у нас не менее 2-х миллионов. Они совсем бесправны и работают за кусок хлеба и гнилую рыбу.

9) **Безработные** — уволенные начальством за какую либо провинность перед ним — не получают никакого пособия, а должны все покупать по грабительским коммерческим ценам и выгоняются из квартир. Они спасаются от смерти нищенством, воровством, проституцией и т. п. За воровство же и нищенство их высылают из городов, расстреливают, присуждают на принудработы на 5-10 лет..

Итак, в СССР ничтожное меньшинство пользуется преимуществами и живет не плохо, а большинство переживает такую нужду, что даже низкие довоенные заработки русских рабочих кажутся теперь огромными... Иностранцам наши заработки в советских рублях кажутся большими. Но дело в том, что наш рубль в руках рядового трудящегося стоит от 3-х до 5 коп. золотом.

Фунт масла стоит у нас по Торгсину — 25 коп. зол., по твердым ценам 3 рубля, по коммерческим 12 рублей. Фунт ржаного хлеба по Торгсину — 2 коп., по твердым ценам — 24 коп., по коммерческим — 70 коп. Таким образом, если заработок трудящегося за вычетом квартиры — 100 рублей в месяц, и если все товары он получает по твердым ценам — его фактический заработок составляет только 8 рублей золотом в месяц. Но фактически трудящийся из своего заработка не больше 40-50% товаров покупает по твердым ценам. Остальное по коммерческим, которые в 30-40 раз больше золотых цен. 50:12 — 4,2 рубля и 50:30 — 1,6 рубля, итого 5,8 рублей золотом или **меньше 1 фунта стерлингов** в месяц. А сколько людей получает еще меньше!

Но и от этого нищенского заработка отрываются последние крохи на займы государству — 8-10% месячного заработка, налоги и сборы 4-5%, взносы и отчисления 3-4%, кооперативные пай и т. п. 3-6%, итого 18-20%. Так что средний заработок рабочего не достигает у нас и 5 рублей золотом в месяц. Управители же пользуются льготным снабжением: достают многие товары «по блату» — по ценам более дешевым чем твердые цены — имеют доход от 200 до 600 рублей золотом в месяц если учесть премии и прочие доходы, **то-есть живут в 50-100 раз лучше рядового рабочего**... Наши моряки своим питанием и заработком производят на ваших рабочих лучшее впечатление. Дело в том, что наши моряки, когда плавают за границу, получают хорошее питание и 20% заработка валютой и бонами Торгсина, чтобы они были довольны и не разболтали там правду о СССР. Когда же они дома — им сразу ухудшают питание и дают жалование только советскими деньгами. И все-таки они так печат свое положение, свои 8 долларов в месяц, что цепляются за свои места и не расскажут никому о нищете рус-

ских трудящихся, тем более что за это можно попасть в концентрационный лагерь...

Итак, если у нас меньше безработицы, чем у вас, зато наш рабочий за интенсивную и тяжелую работу получает **меньше, чем ваш безработный...**

Сейчас коммунисты хотят вовлечь вас в единый фронт. Нам кажется, что вы должны первым условием единого фронта поставить следующее: пусть советское правительство даст свободу существования, слова и печати русским социалистическим партиям и право выезда и сношений с вами любой группе трудящихся. Коминтерн на это не идет, так как боится разоблачений. Но помочь трудящимся России вы можете, только заставив Советское правительство — этого двойника Коминтерна — дать русским гражданам политическую свободу. Тогда вы узнаете все, чего в случайном письме не напишешь.

С социалистическим приветом
Русские социалисты.

Р. С. — Отмена карточной системы вносит еще большую ясность в вопросы об изменении жизни трудящихся.

Хлеб ржаной с 1-го января будет стоить 1 рубль или 40 коп. фунт, тогда как в 1927 г. он стоил 10 коп. килограмм или 4 коп. фунт. Зарплата же, получаемая на руки, не превысит у рядовых трудящихся 140 руб. против 70 руб. в 1927 году. Таким образом наш рабочий на свою зарплату может сейчас **купить в 5 раз меньше**, чем в 1927 г., и если его заработок составлял тогда 30 рублей довоенной стоимости, — теперь он получит не больше 6 рублей.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Cahiers du Bolchévisme, N° 24 et N° 1, janvier 1935.
A. Rossi. *Demokratie, Diktatur, Sozialismus*. Flugschrift N° 10 des Verbandes des Personals der Oeffentlichen Dienste. Zürich. S. 58.

Le Syndicalisme et le Plan, N° 10-11. Paris, 1934.

Francis Delaisi. *La guerre qui vient*. 1914. *La guerre qui vient*. 1934. Paris. 1934.

Zukunft, N° 12, New-York, 1934.

La Vie Socialiste, N° 399.

Miscarea Socială, N° 5-7, Mai-Julie, 1934, Bucuresti.

Le Combat Marxiste, 1 déc. 1934. N° 14.

Almanacco Socialista 1935. Edito dal Partito socialista Italiano. Paris.

Zeitschrift für Sozialismus, Heft 15. Dezember 1934. Karlsbad.

В. Чернов. Рождение революционной России. (Февральская революция). Париж, 1934. стр. 446.

Знамя России, № 12 (64).

Ісак Мазепа. Україна під червоною Москвою. Львів, 1934.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 16/12, 23/12, 1/1-35.

Отослано: № 29, № 1, 35.

“DER KAMPF” INTERNATIONALE REVUE

выходит в расширенном виде — 48 страниц вместо 32 страниц. Статьи по проблемам международной политики и экономики и социалистического движения. Постоянные обозрения (мировая политика, международный социализм, профессиональное движение, Советский Союз). Библиография. Обзор журналов.

Редактор: Otto BAUER.

Цена отдельного номера 4 франка, подписная плата на год 40 франков.

Генеральное представительство для Франции:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1935 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(15-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

А) При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

- одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — Записки социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. I (Социализм и политическая борьба, Наши разногласия и др.) Изд. Женева, 5) Две брошюры Л. Мартова: а) Рабочее Дело в России и б) Красное

Знамя в России с предисл. Аксельрода, 6) *Konzentrationslager* (Adolf Hitler, deine Opfer klagen an!), 7) Lucien Laurat — *Economie dirigée et Socialisation*.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

- 1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Zeitschrift für Sozialismus» — на 1/2 г., 3) «Révolte» — на 1/2 г., 4) «La Bataille Socialiste» — на 1 г., 5) «Le Combat Marxiste» — на 1 год.

Б) Каждое лицо, наwerbавшее 5 новых абонентов, оплативших подписку не менее чем за 1/2 года вперед, — получает бесплатно:

Nouveau Petit Larousse Illustré, 1934.

а наwerbавшее 10 новых подписчиков получает бесплатно по его выбору:

- абонемент на «Социал. Вестник» на 1 год.
- переплетенный комплект «Соц. Вестника» за 1933 г. или 1934 г.
- «Капитал» Маркса, — 3 т. в полотноянных переплетах, перевод Базарова-Степанова.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно